

Владимир Кедрянов

Анания и Сапфира

исторический роман

Глава первая

В эпоху римского владычества на окраине Иерусалима стоял небольшой, но красивый и ухоженный дом. Он занимал часть земельного надела площадью в треть югера (около 850 кв. м), на котором росли три смоковницы, виноград, гранатовое дерево и две яблони. Недалеко от дома находился сарай для коз, не так давно построенный хозяином, плотником Ананией, и теперь его жена Сапфира постигала секреты изготовления сыра.

Уже смеркалось, когда Анания вернулся домой, совершил омовение и устало опустился на скамью. День выдался тяжелый: сегодня заканчивали крышу огромного дома, который строил для своего сына богач Захария. Много сыновей было у Захарии, много и домов. Плотники, во время работы отпускавшие шутки в адрес одного из самых богатых в Иерусалиме купцов, так и не смогли точно сказать, сколько. Анания говорил, что семь, Енея – девять, остальные сходились на восьми.

Анания потянулся, стараясь расслабить уставшие мышцы, и попытался удобнее устроиться на жесткой скамье.

- Как на работе? – спросила мужа Сапфира.

Она была удивительно хороша: ее огромные глаза блестели, когда видели возлюбленного; в них искрился огонь желания, сверкала любовь. Тонкие брови выгибались изящными дугами, а нежная кожа своим цветом напоминала благородную слоновую кость. Но это только цветом. В остальном же сравнить ее было не с чем – мягкая и в то же время упругая, соблазнительная и по-матерински нежная, словом, само совершенство. Ровные, белые, без единого изъяна зубы Сапфиры сверкали, как жемчуг. Небольшой, правильной формы нос, маленький чувственный рот, часто алевшие щеки – все в ней было гармонично и прекрасно. Ее высокую и тонкую шею обвивало ожерелье из каких-то недорогих камней, а из-под легкого покрывала выбивались мягкие черные волосы, которые, правда, уже тронула седина. На Сапфире был новый, ниспадавший изящными складками белый хитон, скрепленный на правом плече и левом боку двумя серебряными аграфами. Эти красивые застежки молодая женщина очень любила и гордилась ими. Ее ноги были обуты в красные сандалии из кожи козленка.

Красота у нас почти всегда ассоциируется с радостью, весельем и счастьем. Это нетрудно объяснить: от созерцания красоты мы испытываем блаженство, и потому нам сложно представить, чтобы была несчастлива ее обладательница. Но, увы, часто так и случается. Проницательный человек, посмотрев на Сапфиру, смог бы заметить то, что в ее недолгой жизни было много горя. Да, молодая женщина страдала, но пыталась скрыть это от мужа. Она не хотела, чтобы Анания падал духом.

Сейчас хозяйка накрывала на стол; хлеб, козий сыр, виноград и фиги выглядели очень аппетитно. Этот чудесный натюрморт дополнял небольшой кувшин с вином. Супругов ждал сытный ужин.

- Захария пока не рассчитался, - ответил Анания. – Говорит, что все его деньги

вложены в товары.

Лицо Сапфиры слегка помрачнело. Расплатиться с долгами хотелось побыстрее, пока проценты не достигли угрожающей величины. Когда полгода назад умерла Руфь, мать Анании, понадобилось много денег, и пришлось взять в долг у ростовщика Иезекииля.

- Подлец ваш Захария, - сказала Сапфира и поправила аграф на плече. – Когда я еще жила в отчем доме, у наших соседей была собака, постоянно просившая есть. Хозяева, добрые люди, кормили ее до отвала, и часто у того пса пища выходила тем же путем, что и входила.

- Да, - засмеялся Анания, - это ты точно заметила. Захария своей ненасытной жадностью весьма схож с той собакой. Но, дорогая, не волнуйся, как-нибудь выкрутимся. Главное, что у меня есть ты – родное, бесценное сокровище...

- А у меня – ты...

Анания обнял жену. Во время работы он часто мечтал, как вернется домой и обнимет, поцелует свою милую Сапфиру. Вечером мечта неизменно сбывалась, и минуты их встречи были самыми радостными в его жизни. Глаза Сапфиры тоже искрились счастьем: целым миром – удивительным, нежным, любящим – был для нее муж. Каждый будний день она с нетерпением ждала своего Ананию, представляя, как он – высокий, статный, красивый, кареглазый, с густой, но аккуратной бородой – войдет в дом, обнимет ее и поцелует, а она сытно и вкусно накормит супруга. И Анания поблагодарит ее за чудесный ужин и снова поцелует. И впереди у них еще будет вся ночь...

Долгий и страстный поцелуй супругов завершился, и они сели ужинать. Анания был очень голоден. Сапфира, лишь слегка притрагивавшаяся к пище, с доброй, ласковой и немного озорной улыбкой наблюдала за мужем. Ей нравилось, что ее большой и сильный Анания ест с таким удовольствием, и в эти мгновения она забывала обо всех невзгодах.

Сапфире исполнилось девятнадцать лет, Анании – двадцать два. Они были женаты уже пять лет, но, казалось, их медовый месяц еще не закончился. Ненасытная жажда любви соединяла их молодые тела и души, и большинство вечеров превращалось в милый праздник жизни. Через многие несчастья они смогли пронести немеркнущий факел своей любви, не обожглись его горячим пламенем и не дали холодному ветру скучной повседневности погасить этот чистый, животворный огонь. Они жили лишь тогда, когда были вместе.

* * *

Первый век нашей эры... Столетие величайших побед человеческого духа и гнуснейших преступлений... тоже человеческих. Век могущества Римской империи, один из веков расцвета ее культуры. Он начался, когда Овидия еще не отправили в ссылку, а завершился концом творческого и жизненного пути Квинтилиана и Марциала. Ироничный арбитр изящества Петроний, свободолюбивый Лукан, мудрый Федр, всезнающий Плиний Старший, неизвестные творцы фресок в Помпеях и строители Колизея – всё это тоже первый век.

Впрочем, люди, в нем жившие, и не подозревали, что он первый. Об этом «узнали» лишь в середине 8 века, когда приняли предложенную еще в 532 году каким-то Дионисием Малым систему летоисчисления от «рождества Христова». Принять-то приняли, но по неграмотности своей христианской ошиблись на несколько лет. Ведь доподлинно известно, что царь Ирод, который, согласно Библии, преследовал младенца-богочеловека, умер в 4 году до Р.Х. Выходит, Спаситель родился раньше, чем родился.

Но это позже первый век стал у многих ассоциироваться прежде всего с христианством. А в то время о новой секте знали не больше, чем мы о «Белом братстве» или «Детях Бога». И совершенно так же оценивали.

Интересное тогда было время, и, наверное, чем больше проходит веков, тем красочнее и привлекательнее оно становится. Искусства процветали в Риме, Элладе, других землях необъятной империи. Но жизнь бывает не только культурной. Простое бытие, примитивное существование теплилось в Иудее – маленькой части римской провинции Сирия.

Иудею так и хочется назвать тихой, спокойной, уютной. Но, сделав это, мы бы погрешили против истины. Иудея – местечко буйное. Вспомним, как иерусалимцы пытались сопротивляться самому Титу (позднее признанному идеалом императора), и ему пришлось разрушить их городишко. Хотели евреи быть свободными, но не хотели быть образованными. Из книжек только Библию читали.

Почему?

Понятно, что по этому поводу говорят антисемиты, а семитолубы считают, что Библии достаточно. Великий грех тратить время на чтение других книг, если его можно использовать для молитвы или заучивания слов бога наизусть. Или для того, чтобы разбогатеть.

Когда мы смотрим на историю Иудеи этого периода, то невольно поражаемся: чуть ли не в каждом селении появляется свой пророк, который проповедует, собирает учеников, борется с официальным иудаизмом. Иисус Христос был лишь одним из многих. Да, такого мистического движения, такой религиозной активности больше не наблюдалось нигде и никогда. А объясняется всё просто. Жил относительно нормальный народ, но в 586 г. до н.э. царь Навуходоносор II, захватив Иерусалим, велел евреям переселиться в Вавилон. И им пришлось покинуть землю, которая в течение многих веков была родиной. Но ко всему привыкает человек. Обосновались евреи и в Вавилоне, наладили хозяйство, зажили спокойно и зажиточно. Прошли годы, и появилась возможность вернуться на утраченную родину, к религиозным святыням – тем местам, где так называемый Моисей якобы разговаривал с вроде бы Иеговой, где Соломон блудил с сотнями «жен» и наложниц, а Лот совокуплялся со своими дочерьми. Где милостивый бог, который предположительно есть любовь, как будто уничтожил Содом и Гоморру (но неужели *все* жители этих городов занимались гомосексуализмом ?!).

К таким очаровательным святыням захотели возвратиться далеко не все евреи. Нормальные предпочли не ехать в неизвестность, а остаться в уже обустроенном месте. Поехали лишь глубоко верующие.

Из Иудеи в Вавилон пришел народ, а из Вавилона в Иудею возвращалась секта.

Прошло шестьсот с лишним лет, но разве изменился генофонд населения, обитавшего в той местности? Яблоко от яблони недалеко падает. И вот в таких условиях зародилась самая массовая религия. Сколько людей погубили ее адепты, как они затормозили прогресс человечества – знают все. Только некоторые стараются это забыть.

Наше повествование об одних из первых жертвах христианства – Анании и Сапфире. Их трагическая история неожиданно откровенно рассказана в Библии, в пятой главе «Деяний святых апостолов».

Глава вторая

За последние пять лет в жизни наших героев произошло немало событий.

Родители Анании дружили с отцом и матерью Сапфиры, и однажды главы семей заметили, что Анания повзрослел и возмужал, а Сапфира из угловатого подростка превратилась в ослепительную красавицу. Тогда отцы и решили сыграть свадьбу. Родители

были рады, молодые – тем более: они полюбили друг друга, и, казалось, их счастье будет длиться вечно. Но через полгода для пребывавших на вершине блаженства молодоженов началась череда бед и страданий.

У Анании был младший брат Иосиф. Однажды вечером он зачем-то вышел из дома. Всю ночь мать и отец, не смыкая глаз, ждали сына. А утром в калитку постучал один их знакомый и сообщил страшную весть: на улице лежал Иосиф с разбитой камнем головой.

Как описать горе тех родителей, которые пережили своих детей?! Что может быть трагичнее? Давид, отец Анании и Иосифа, затосковал и вскоре после гибели сына умер. Убийцу так и не нашли...

Прошло два месяца, и иерусалимцев ужаснула новая катастрофа. Ночью загорелся дом, в котором жили родители Сапфиры и две ее младшие сестры, Эсфирь и Ревекка. Они все сгорели заживо...

Супруги, которые еще совсем недавно были частью большой и дружной семьи, ощутили мертвящее дыхание одиночества. Правда, с ними жила мать и свекровь Руфь, но от всего пережитого у нее помутился рассудок. Сапфира и тем более Анания, знавшие Руфь здоровой, веселой, доброжелательной и приветливой женщиной, любившие и уважавшие ее, теперь с болью и ужасом смотрели на злобную и сварливую развалину. Страшный контраст!

Так у Анании осталась лишь Сапфира, а у Сапфиры – только Анания. Но через несколько месяцев после рокового пожара солнце, казалось, выглянуло из-за туч. Сапфира забеременела. Она сказала об этом мужу в один из иудейских праздников, когда, помолвившись в храме, они возвращались домой. На улице было много людей, но Анания не смог скрыть свою радость и, не стесняясь прохожих, заключил жену в объятия и стал страстно покрывать ее лицо поцелуями. Иудеи, строгие блюстители нравственности, изумились такой выходке и попытались образумить аморальных типов. Но супруги не слышали проповедей, не видели порядочных иудеев, не замечали всеобщего осуждения. Раньше они верили, что когда-нибудь закончится череда бед и к ним вернется счастье. И вот, казалось, их надежда сбылась...

- Милый, ты будешь любить нашего ребеночка? – тихо спросила Сапфира.

- Конечно! Ведь он еще больше сблизит нас, правда?

- Да!

- И будет похож и на тебя, и на меня!

- Да, любимый. Ты кого хочешь: мальчика или девочку?

Анания засмеялся:

- Мне всё равно. Мне желанен и сын, мне желанна и дочь.

- А как мы назовем нашего ребеночка?

Будущий отец задумчиво почесал голову и, снова радостно засмеявшись, ответил:

- Пока не знаю. Но мы еще успеем выбрать имя.

- Да, мой любимый, - согласилась пятнадцатилетняя жена и благодарно прильнула к мужу.

Исстрадавшиеся за последнее время супруги теперь обрели смысл жизни, и лица их повеселели, глаза снова излучали радость и ласку, к голосам вернулось прежнее очарование. Они воспрянули духом и уже без страха смотрели в будущее. И всё это смог сделать еще не родившийся ребенок!

Проходили недели, и живот Сапфиры постепенно рос и округлялся. Любопытный Анания часто приставлял к нему ухо и внимательно прислушивался. Трудно сказать, что он слышал, но будущий отец всегда оставался доволен.

И вот однажды, когда Анания был на работе, Сапфира решила сходить на базар за покупками. Она сказала об этом Руфи и вышла на улицу. Солнце палило беспощадно, но иерусалимцы привыкли к такому климату и, казалось, не испытывали особых неудобств.

Евреи сновали по раскаленным улицам вперемишку с ослами, мулами, козами и другими четвероногими помощниками. Разговоры и крики людей сливались со звуками, которые издавали животные, и оттого вокруг стоял невообразимый шум. Сапфира осторожно пробиралась среди всего этого говорящего, мычащего и бляющего населения, стараясь, чтобы ее ненароком не толкнули. Так она добралась до перекрестка и тут вдруг заметила, что в конце улицы показался иудейский пророк.

- Пророк! Идет пророк! Пророк Вениамин! – вопили евреи то радостно, то с ужасом.

В античности разные верования мирно уживались друг с другом. Люди почитали различных богов, молились и приносили им жертвы, и никому не приходило в голову развязывать религиозные войны – ведь каждый народ, ублажая своих кумиров, вместе с тем не отрицал существование небожителей других племен. Они тоже могли навредить верующему, и на всякий случай следовало почитать и их. Так поступал, повторим, всякий народ, но только не евреи. Именно они, со своим стремлением к единобожию, первыми стали откровенно враждебно относиться к другим культам.

Конечно, иудеи пришли к монотеизму не сразу. Вначале они поклонялись змеям, затем кумирам других народов, и позже признавали существование иных богов, кроме заимствованного ими у одного соседнего племени Иеговы. Но тут возникло так называемое «пророческое движение». «Пророки», эти неофициальные жрецы и волхвы, злобные, буйные, нетерпимые к чужому мнению люди, имели, к несчастью, влияние на темный, подвергшийся после вавилонского пленения естественному отбору народ.

И вот эти провидцы заявили, что Иегова, или Яхве, или Элохим, или Саваоф, или как там его ещё – единственный настоящий бог. Небожители других народов – либо ненастоящие, игрушечные, либо дьяволы. Евреи – богоизбранный народ, а другие народы... ну, сами понимаете. У современного психически нормального человека такая «концепция» может вызвать лишь улыбку, но тогда она вызвала культурную изоляцию евреев и антисемитизм. Так «пророки» удружили своему народу.

Один такой прозорливец сейчас топал по иерусалимской дороге. Его огромные босые ступни («как под дурным старцем», - говорят русские. Меткое выражение!) поднимали клубы пыли, ибо пророк Вениамин дорогу не выбирал и брел куда попало. Он был высок и производил впечатление физически сильного человека. Казалось, он уже перешагнул полувековой рубеж, но не исключено, что его состарил весьма необычный образ жизни. Провидец был одет в ветхое и грязное, всё в дырах рубище; для опоры при ходьбе он использовал корявую палку, она же помогала ему поучать нерадивых.

Дурной старец дошел до перекрестка, подождал, пока вокруг него соберется толпа, возвел очи горе и, опершись на свой «посох», молвил:

- Поганые безбожники, пришел я в эту клоаку мерзкую не за тем, чтобы спасти вас от кары Божьей, ибо сие невозможно и ничто вам уже не поможет, а для того, дабы открыть глаза ваши на грехи великие, за кои осуждены вы на муки страшные. При одной мысли о них у меня волосы встают дыбом, но не мне они уготованы, а вам. Страшусь я великой власти Божьей, ибо вот сейчас вижу перед собой живых и беззаботных, но скоро вас засыплет сера горящая, и все вы криком скорби и отчаяния изойдете, но не поможет вам крик и запоздалое раскаяние. И муки нестерпимые, боль невыносимая будут продолжаться годы. Годы! Посему я к вам и пришел, дабы отравить радость последних дней ваших. Страшитесь, ибо недолго вам осталось испытывать терпение Божие, и грядет кара неотвратимая! Скоро уж, скоро!

Пророк перевел дух и подозрительно осмотрел своих слушателей. Евреи, с благоговением внимавшие словам прозорливца, сильно побледнели и дрожали от страха – видно, им казалось, что ужасные муки уже начались. Пригорюнилась и Сапфира, тоже внимательно слушавшая божьего человека. Сейчас она пыталась припомнить все свои грехи, но их набиралось до смешного мало.

Тем временем провидец восстановил дыхание и продолжил свою проповедь:

- Что, дрожите теперь? Страшно? Раньше надо было дрожать, в пустыне жить, а не в сей обители греха и мерзости. Очи мои ясные гной застилает, и то вижу я, как страшитесь вы!

Пророк, произнося последние слова, по - дьявольски усмехнулся, и тут его взгляд упал на красивую беременную женщину. Сапфира, заметив, что старец внимательно ее рассматривает, смутилась. А прозорливец, отложив свою палку, стал потихоньку приближаться к заинтересовавшей его женщине. Казалось, он нашел то, что безуспешно искал в течение многих лет.

- Вот где соблазн! – изрек провидец и указал на Сапфиру. - Вот мерзкий сосуд греха! От какого скота ты зачала? Или от самого Сатаны?! Из-за прародительницы Евы мы были изгнаны из рая, а такие сучки посылают нас напрямиком к Дьяволу, где примем муки страшные!

Пророк не на шутку разъярился, весь надулся и покраснел; его очи метали молнии, изо рта летели целые струи слюны, а тело содрогалось в истеричном припадке. Речь его перестала быть членораздельной, и лишь какие-то звериные звуки вылетали из посиневших уст. Он откинул покрывало Сапфиры и, схватив ее обеими руками за волосы, с остервенением стал их рвать. Пятнадцатилетняя женщина закричала от страшной боли, из ее глаз градом хлынули слезы. Но никто не пришел на помощь несчастной: иудеи полагали, что сие творит рука божья и потому со священным ужасом наблюдали за происходящим, опасаясь только, как бы высшие силы не оттащали за волосы и их. А пророк тем временем разнообразил свою методику воспитания: он всё норовил ткнуть коленкой в живот Сапфиры, а также, удерживая волосы женщины левой рукой, правой стал бить ее по лицу.

Несчастливая вначале пыталась вырваться из цепких рук божьего человека, но это оказалось непросто. Пророк был сильным и коварным противником, и когда он совсем озверел, намереваясь убить еще не родившегося ребенка (всё равно, мол, станет грешником), Сапфира отчаялась и прекратила сопротивление. Перед ее глазами всё поплыло, и она стала терять сознание.

В этот трагический момент в нашей истории появляется новый персонаж. Мимо собравшейся на перекрестке толпы проходил молодой, высокий, одетый в ослепительно белую тогу римлянин. В руке он держал навощенную дощечку и стиль. Судя по тому, с каким неподдельным интересом этот прохожий осматривал жалкие иерусалимские достопримечательности, прибыл он в Иудею недавно. Для местных жителей, которые из римлян видели только солдат, появление такого необычного человека стало удивительным событием, и, встретив его, они, как правило, внимательно разглядывали незнакомца, а потом еще долго смотрели ему вслед. Евреи пытались угадать род занятий этого странного римлянина. Он не носил оружия, следовательно, не был военным; имел ясный, незатуманенный взор, значит, не принадлежал к священнослужителям; передвигался пешком, а не в носилках – стало быть, не входил и в число вельмож (или иных богатых бездельников); за ним, как за учителем, не бегали мальчишки. Судя по опрятности одежды римлянина и утонченности его манер, он явно не занимался земледелием или ремеслом.

Да, загадкой был этот римлянин для иудеев. «Чего это он всё ходит да высматривает, иногда спрашивает и всегда записывает?» - шептались они. Выдвигались различные версии; о самой смешной наш читатель вскоре узнает.

Итак, неторопливо идущий по улице и осматривающий достопримечательности римлянин услышал чей-то крик и невольно остановился. Звуки, в которых слышались неподдельные боль и отчаяние, исходили из центра толпы. «Что же здесь происходит?» - подумал незнакомец и, воспользовавшись тем, что был выше евреев, заглянул поверх голов собравшихся. Какой-то оборванец избивал юную женщину, почти ребенка.

Римлянин был потрясен. Он, по-видимому, очень дорожил своей дощечкой, ибо на ней

уже было немало начертано, но тут письмена и стиль полетели на землю, а молодой мужчина, расталкивая зрителей этого страшного представления, устремился к пророку.

Тем временем к дурному старцу вернулся дар речи. Продолжая держать Сапфиру за волосы, он оглядел толпу и отдал кровожадный приказ:

- Надо ее забить камнями! И тогда Бог многое простит вам!

Но тут прозорливец, получив сильнейший удар в челюсть, пошатнулся и смешно замотал головой, но удержался на ногах и, более того, даже не выпустил свою жертву. Тогда незнакомец в тоге ударил его между глаз. Цепкие пальцы пророка разжались, и римлянин подхватил падающую Сапфиру. Сам провидец медленно сполз на землю и, такой еще недавно резвый, теперь лежал неподвижно, раскинув руки в разные стороны и уткнувшись носом в камень.

Евреи остолбенели и, боясь даже дышать, со зловещим молчанием наблюдали за происходящим. Незнакомец, бережно положив молодую женщину, склонился над ней и попытался привести ее в чувство. Но Сапфира сейчас находилась на грани жизни и смерти: случился выкидыш, и нижняя часть ее тела была залита кровью. Даже не приходя полностью в сознание, она стонала от боли и ужаса – ее ребенок был мертв. Жизнь утратила всякий смысл...

А прозорливец не собирался сдаваться. Он пришел в себя и уже строил дерзкие планы отмщения: его грязная, покрытая струпьями рука настойчиво искала в придорожной пыли камень поувесистее. Римлянин заметил грозящую ему опасность и, не дожидаясь, когда поиски провидца увенчаются успехом, изо всех сил саданул его ногой в челюсть. Пророк крикнул и распластался по земле.

- О люди! – закричал один из иудеев, горбатый уродливый старик со слезящимися глазами. – Это пришел сам Сатана, дабы сразиться с великим Вениамином. И побеждают силы зла, и посрамлен пророк... Но попросим Бога, чтоб даровал Он победу провидцу, а Сатана пусть немедленно убирается отсюда, и вместе с этой шлюшкой, из-за которой так страдает наш Вениамин!

Евреи, недоумевавшие до сей поры, как этот незнакомец решился поднять руку (и ногу) на пророка, теперь получили правдоподобное объяснение. Было очевидно, что бессмысленно бороться с Дьяволом физически, но вот теологически...

Иудеи пали ниц, и их молитвы вознеслись к небесам.

Внезапно из-за угла вышли три римских воина. Они патрулировали эту часть Иерусалима и, заметив толпу, неторопливо направились к ней. Евреи самозабвенно молились, а на земле неподвижно лежали девушка и какой-то грязный, уродливый старик; от одной к другому перебегал мужчина в тоге, и был он то ласков и заботлив, то суров и драчлив.

- Ты кто такой? Что здесь делаешь? – спросил у спасителя Сапфиры начальник дозора, крупный, коротко остриженный боец лет тридцати пяти и для пущей важности и убедительности положил руку на рукоять меча.

Незнакомец вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот и, спокойно глядя воину в глаза, ответил:

- Я Тит Росций Капитон, римский гражданин. Приехал на Восток изучать быт и нравы здешних народов.

- Это их ты хочешь изучать? – засмеялся начальник дозора и сделал широкий жест, указывая на окарикатурившиеся лица евреев, пытавшихся достучаться до ходившего по небу или засевшего в своих чертогах Иеговы.

- Но не все же они такие, - возразил Тит Росций.

- Ладно, мы отвлеклись. Так что здесь произошло?

- Этот сумасшедший на людей бросается!

- Да? Ох, Иудея...

- Он до тех пор избивал беременную женщину, пока у нее не случился выкидыш.

Не подоспей я вовремя, он бы ее убил!

Столь бесчеловечный поступок поразил даже немало повидавшего за годы службы начальника дозора. Суровый воин подошел к пребывавшему в беспамятстве прозорливцу и воскликнул:

- О, да это Вениамин! Опять, дружок, за старое принялся? Ходишь, людей пугаешь?

Тут пророк снова пришел в себя, но, увидев стражников, счел за благо притвориться бесчувственным. Римляне заметили хитрость сумасшедшего и захотели ударить его. Но чем? У них не было желания пачкать руки, обувь, ножны. Валявшийся неподалеку «посох» Вениамина был такой же грязный, как и его хозяин. Не найдя предмета, с помощью которого удалось бы привести провидца в чувства, начальник дозора оторвал нескольких евреев от общения со сверхъестественным и велел им отнести прозорливца в участок.

Позже Тит Росций узнал, что римляне наказали Вениамина палками и навсегда запретили ему входить в Иерусалим. Быть может, следовало бы строже покарать детоубийцу, но, с другой стороны, всем было понятно, что преступник невменяем.

Сапфиру, у которой уже в пятнадцать лет появилась седина, спасла любовь мужа. Анания был так чуток и внимателен, что Сапфире не оставалось ничего иного, как крепиться и стараться не огорчать любимого слезами и горестными стенаниями. Успокаивал несчастную женщину и Тит Росций, который стал другом их семьи. Римлянин, правда, часто покидал Иерусалим, ибо изучал быт и нравы не только евреев, но и других восточных народов. Однако он неизменно возвращался в главный иудейский город и любил заходить в дом той женщины, которую спас. Общались они всегда при Анании (а иначе что бы сказали вездесущие соседи?!), но был ли здесь у Тита Росция Капитона только научный интерес? Вряд ли...

А Сапфира до сей поры нуждалась в сочувствии и утешении. После страшной встречи с пророком прошло уже несколько лет, но она не смогла стать матерью. Все средства оказались бессильны, и супруги уже почти потеряли надежду на то, что когда-нибудь их дом огласит звонкий детский крик...

Глава третья

Теперь, когда читатели знакомы с предысторией наших героев, мы продолжим рассказ об их нынешних приключениях.

Супруги закончили свой ужин, но Сапфира не стала сразу убирать посуду, а слегка прикоснулась к руке мужа, принуждая его остаться за столом. Анания понял, что жена хочет ему сообщить нечто важное.

- Да, милая, я слушаю.

- Я была сегодня в храме и увидела такое...

- Что?

- Чудо! Ты ведь знаешь, как много всяких калек просит милостыню у Красных дверей храма, и среди них был один хромой. Когда я, помолившись, уже выходила из храма, то встретила Симона по прозвищу Кефас и Иоанна, они проповедуют о каком-то Иисусе Назорее, считая его Спасителем и Сыном Божьим. Так вот, хромой попросил у Симона «на хлебушек», и Кефас с Иоанном сказали ему: «Посмотри на нас повнимательнее». Просящий,

надеясь на щедрое подаяние, так и поступил. Тогда Симон молвил: «Серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи!» И с этими словами он прикоснулся к хромоту, и у того вдруг укрепились ноги. Калека пошел, да так, словно никогда в жизни и не хромал!

- Неужели такое может быть? – удивился Анания. – Никогда не видел чудес.

- А вот мне сегодня довелось. Ты не представляешь, какой переполох вызвало это исцеление! Люди кричали, прыгали, славословили Бога! (**«Деяния святых апостолов», III, 1-11**). Все калеки бросились к Симону, прося излечить и их. Но тут чудотворец поступил как-то странно: ухмыльнулся, пробурчал что-то вроде «хорошего понемножку» и поспешно удалился.

- Видно, не все достойны быть исцеленными, - предположил Анания.

- Наверное, так. Но знаешь, милый, что я подумала? Если Симон так легко смог излечить хромого, то ему по силам исцелить и меня.

- И у нас появятся дети... - мечтательно произнес супруг.

- Главное, чтобы Симон захотел помочь мне.

- Так ты завтра познакомься с ним, поговори, узнай побольше о его учении.

- Да, конечно.

На следующий день Анания пошел искать заказ на плотницкие работы, а Сапфира отправилась в храм. Но, к сожалению, ни Симона, ни Иоанна там не оказалось. Зато недалеко от этого большого, но бессмысленного сооружения стояли двое мужчин лет тридцати – тридцати пяти и с жаром говорили о Христе. Идущие в храм добропорядочные иудеи испуганно шарахались от грязных, одетых в лохмотья еретиков. А Сапфира подошла к ним и стала внимательно слушать.

- И послал Бог к людям Сына Своего единственного, дабы тот искупил грехи человеческие, - вещал высокий худой проповедник, а его маленький и толстый «коллега» тревожно озирался по сторонам, опасаясь, как бы их не наказали за незаконную проповедь.

- Скажите, это ваш учитель Симон вчера исцелил хромого? – спросила Сапфира.

- Наш. Но только мы называем его не учителем, а князем апостолов, и не Симоном, а Кефасом, по-гречески Петром, то есть камнем, ибо сказал ему Сын Божий: «Ты будешь тем камнем, на котором я построю свою Церковь» (**«Евангелие от Матфея», XVI, 18**), - ответил полный мужчина.

- Он великий чудотворец! – в словах Сапфиры слышалось неподдельное восхищение.

- Кефас говорит, что творит он сие не своей силой, а Божией, - вступил в разговор худой.

«Не всё ли мне равно, как он это делает, - подумала несчастная красавица, - мне бы только излечиться от бесплодия».

- Меня зовут Иов, - дружелюбно сказал маленький толстый проповедник, - а это Иеремия. Мы признали Спасителя.

- А я Сапфира. Мы с мужем хотели бы встретиться с Кефасом. А там, быть может, и вступим в вашу общину.

- Чем же владеет твой муж? – спросил Иеремия.

- У нас дом и небольшой участок земли. Но разве это важно?

- Еще бы! – ответил Иеремия. – Каждый приобщившийся к истинной вере приносит всё свое имущество и возлагает его к ногам апостолов (**«Деяния святых апостолов», IV, 34-37**).

Сапфира не поняла смысл сказанного и попросила Иеремию повторить. Тогда оба проповедника принялись с жаром убеждать молодую женщину в том, что лучше всем единоверцам жить вместе, а свое имущество отдать Церкви. Жена Анании, однако, никак не могла взять в толк столь странное правило, но высказать свои соображения на этот счет так и

не решилась. Она лишь смущенно улыбнулась проповедникам и спросила:

- Так когда мы с мужем встретимся с Кефасом?
- Я скажу ему, - ответил Иов. – Подойди к нам завтра, и получишь ответ.
- Хорошо, - сказала Сапфира и попрощалась с сектантами.

Анания был потрясен, когда жена сообщила ему, что для вступления в общину Кефаса им нужно расстаться со всем своим имуществом.

- А где же мы будем жить и растить детей? – спросил плотник.
- У них большой дом, и всё в нем общее.

Анания молча пожал плечами.

- Быть может, - продолжала Сапфира, - лучше жить в одной большой, дружной семье, где и помогут, и посоветуют. А волшебник Кефас излечит меня от бесплодия...

- Хорошо, милая, давай завтра сходим к храму и во всём разберемся.

На следующий день возле культового сооружения из христиан (сектанты в то время еще не догадались именовать себя христианами, но мы уже будем их так называть) крутился один Иов. Супруги подошли к нему и поздоровались.

- Мир и вам! – молвил в ответ проповедник. – Я обо всём с Кефасом договорился, и он вас ждет.

- А где Иеремия? – спросила Сапфира.
- Он занят. Но не беспокойтесь, я сам отведу вас к князю апостолов.
- Это далеко? – любопытствовал Анания.
- Да, - ответил Иов, - однако путь к Истине еще длиннее.

Но Иерусалим – небольшой городишко, и пока супруги пытались постичь смысл последней фразы Иова, путь их завершился и спутники оказались перед ветхим трехэтажным зданием, обнесенным довольно высоким забором. Иов постучал в ворота, и в смотровом окошке калитки показалась перекошенная физиономия пожилого привратника Товии.

- Пусти, их ждет Кефас.
- Ладно, - поморщился Товия, не любивший отпирать калитку.

Гости и Иов вошли и осмотрелись. Во дворе какой-то верующий стоял на одной ноге на врытом в землю столбе. И так как этот столб был довольно высок, Анании такое занятие показалось небезопасным.

- Чего ради он там стоит? – спросил плотник у Иова.

- Кто? А, Иосиф! Его на днях сильно искушал Сатана, даже послал за ним роскошную колесницу – приезжай, мол, ко мне в преисподнюю. Иосиф уже ступил в нее одной ногой и только тогда догадался обратиться с молитвою к Господу нашему. И колесница растаяла в воздухе, а Иосиф рассказал обо всем Кефасу. Тот и наложил на него епитимью.

Иов с сочувствием посмотрел на балансирующего страдальца и добавил:

- Молчать бы ему, дураку, мало ли что привидится, ан нет, взял да и ляпнул...

Спутники вошли в дом и стали подниматься по лестнице. Шедший впереди проповедник оглянулся и предупредил супругов:

- Осторожно, здесь ступенька коварная. На ней постоянно Дьявол искушает.

Анания нагнулся и осмотрел неисправность.

- Ее легко починить, - сказал он и помог жене переступить через «ловушку Дьявола».

Наконец, они поднялись на верхний, третий этаж, и Иов робко постучал в дверь опочивальни Петра. Приглашения войти не последовало.

- Он же должен быть там, - удивился Иов и постучал сильнее.
- Кого еще Сатана принес? – раздался из-за двери злобный, скрипучий голос.
- Рабби, это Иов. Я привел к тебе Ананию и Сапфиру, признавших Спасителя.

Петр снова молчал.

- Рабби, я тебе о них говорил!

- Ладно, входите, - послышалось из опочивальни.
Иов открыл дверь и пропустил вперед супругов.

* * *

В Эрмитаже висит картина Эль Греко «Апостолы Петр и Павел». Мы не будем обсуждать неестественно вытянутые фигуры персонажей этого полотна – такими Эль Греко изображал всех людей; оставим также в покое эпилептика Павла, ибо не он является героем нашей истории, и внимательнее приглядимся к образу Петра в трактовке испанского художника.

У апостола кроткий и добродетельный взор, открытый и высокий лоб, красивый, «благородный» нос; крепко сжатые губы свидетельствуют о большом жизненном опыте и великой мудрости Петра. Его ухоженные, прекрасной формы усы и борода будто скопированы с испанского гранда (что, конечно, так и было). Весь облик апостола говорит нам о его доброте, честности, порядочности, глубоком уме и обширных знаниях, и не заметно ни тени гордыни, алчности, злобы. Устремленный куда – то в сторону и вниз взгляд Петра задумчив и грустен: очевидно, что князь апостолов размышляет о нелегких судьбах человеческих, скорбит о наших грехах и сокрушается, видя непобедимую мощь Сатаны.

Святой человек, да и только!

До Караваджо все европейские живописцы приукрашивали положительных, с точки зрения Библии, персонажей христианской истории. Дело в том, что все картины на эту тему писались по заказам Церкви. Конечно, крупнейший феодал был самым ненадежным, придирчивым и скаредным партнером, какого только можно себе представить, но художникам приходилось с ним связываться. Церковь имела много денег и нуждалась в произведениях искусства – с их помощью католики хотели усилить свое влияние, что было особенно важно в период Реформации. Известно, правда, много случаев, когда живописцы, даже великие, годами ждали оплаты своего труда. Но обычно священники, скрепя сердце и скрипя зубами, всё же платили художникам и скульпторам. Иначе бы батюшкам пришлось самим украшать храмы, и абстракционизм возник бы ещё в то далекое время.

Кто платит (или обещает заплатить), тот и заказывает музыку (и многое другое). Художники старались изо всех сил, чтобы угодить работодателям, нарисовать Христа и Петра покрасивее, а Иуду – поуродливее. И когда основоположник реалистического направления в живописи Караваджо изобразил богородицу и святых ничем не отличающимися от «простых» людей (то есть честных тружеников), церковники буйно возмутились и не выкупили картины. Не понравился им реализм Караваджо.

Восхищаясь гением и творческим подвигом этого итальянского художника, усомнимся в правильности его подхода к изображению столпов христианства. Их, по нашему мнению, не следует срисовывать с крестьян и крестьянок. Земледельцы не сделали живописцам ничего плохого.

* * *

Итак, Анания, Сапфира и Иов вошли в опочивальню Петра. За столом сидел и читал какой-то свиток мужчина лет сорока. Он поднял голову и повернул к посетителям свое желтое, заплывшее жиром и покрытое мелкими ямками лицо. Его небольшие красноватые глазки, один из которых косил, смотрели неприветливо, а под ними располагались темно-фиолетовые полукружья. Одно ухо у мужчины было нормальным, другое, однако, сильно оттопыривалось. Мясистая нижняя губа безжизненно свисала, а нос хозяина опочивальни украшала крупная бородавка, из которой топорщилось несколько волосков. Росли волосы и из ушей этого мужчины. Его взъерошенную шевелюру уже

немного тронула седина, но в редкой бородачке серебряных нитей пока не было.

Так на самом деле выглядел святой апостол Петр – тот камень, на котором Иисус Христос собирался строить свою церковь, но затем сказал любимому ученику: «Отыди, Сатана!» (**«Евангелие от Матфея», XVI, 23**). Семь пятниц на неделе было у «царя иудейского»!

Страшилище отодвинуло свиток и разрешило Анании и Сапфире присесть на стоящую у стены длинную скамью, а Иову велело удалиться. Петр уже знал, что супруги владеют в Иерусалиме домом и участком земли. Этим, с его точки зрения, они выгодно отличались от многих «братьев» и «сестер», коих князь апостолов презрительно именовал «голью перекастной». Поэтому Кефас согласился лично переговорить с претендентами на вступление в его общину. Недвижимость – дело серьезное.

- Считаете ли вы Иисуса Назорея Спасителем? – спросил он.

Супруги ответили утвердительно, и Петр удовлетворенно прикрыл глаза. В мыслях он уже владел имуществом Анании и Сапфиры.

Вдруг со двора послышались грохот и чей-то крик. Симон усмехнулся:

- Опять Сатана Иосифа со столба столкнул.

И затем задумчиво добавил:

- Да, сильны искушения Дьявола... Вот вы, Анания, Сапфира, часто бываете искушаемы?

Вера супругов еще не достигла таких глубин, потому этот вопрос их несколько смутил.

- Иногда случается, - неуверенно ответила Сапфира.

- Сатана, наверное, в основном искушает грешников, - предположил Анания, и по тону его слов чувствовалось, что себя он к ним не причисляет. Почувствовал это и Кефас.

- А ты не грешник? Я и то считаю себя грешником великим, прямо-таки величайшим, - сладостно самобичевался Петр.

- Что же я сделал такого? – недоумевал Анания.

- Что?! – взбеленился апостол. – В грехе, в блуде проводишь ночи свои, тело ублажаешь с женой молодой! Плоть должен ты лелеять или душу?

Сапфира от столь «откровенных» слов покраснела и не знала, куда ей спрятаться. Анания тоже смутился. Неужели его любовь была грехом?

- Наверное, - тихо промолвил плотник, - мы раньше жили не так, как надо. Но для того, чтобы приобщиться к благодати и святым тайнам, мы и пришли к тебе, рабби. Не отвергай нас!

Симон, услышав смиренную речь, немного смягчился и величественно изрек:

- Блуда избегайте, дети мои!

- Отче, но мы муж и жена, мы любим друг друга, - срывающимся от волнения голосом возразил Анания.

Святой апостол Петр вновь расвирепел, да так, словно его укусил этот часто упоминаемый христианами Сатана. Лицо Симона побагровело, глаза выкатились из орбит, изо рта летели брызги слюны.

- Дурак, тварь, не прах презренный любить ты должен, а Господа нашего Иисуса Христа. Лишь он один дает нам благодать и учит Истине. Насколько же Царствие Небесное выше и совершеннее мира земного, сей юдоли скорби, слез и страданий! – радостно возвестил Симон, как будто он уже побывал на небесах и мог говорить об этом предмете с полным знанием дела.

Супруги испуганно смотрели на апостола. Сапфире не понравилось, что глава христиан назвал ее «прахом презренным». Она была о себе гораздо лучшего мнения, но, чтобы больше не раздражать этого вспылчивого мужчину, сделала вид, что не заметила

оскорбления.

- Царствие земное! – продолжал Петр. – Ты мерзкая обитель греха! Ведь что такое наслаждение? Это грех! Оно отвлекает нас от молитвы, от богоугодных дел, от умерщвления плоти. Наслаждение опасно тем, что создает иллюзию, будто мы можем получить радость не только от Бога. Конечно, могущественны козни Сатаны, коварны его искушения, но истинный верующий поборет их, опираясь на Дары Духа Святого, на силу молитвы, на помощь единоверцев. Истинный верующий, даже получая наслаждение, всем своим видом покажет, что не удовольствие оно ему приносит, а горе, омерзение, боль, и тем самым смутит Сатану и других в Вере укрепит.

Тут апостол показал, как надо скривиться, когда наслаждаешься. Супруги постарались запомнить эту гримасу, чтобы использовать ее и во время еды, и ночью. Но, видно, есть доля правды в утверждении льстецов о том, что начальники, когда за что-нибудь возьмутся, всё сделают лучше подчиненных. Ни Анания, ни Сапфира не смогли бы скорчить такую рожу. Петр же был в состоянии испугать самого Сатану.

От долгой болтовни у апостола пересохло в горле, он схватил стоявший на столе кувшин и сделал несколько глотков. Осушив губы рукой, Кефас собрался было продолжить свою речь, но передумал и уже более основательно приложился к кувшину. Минуты две, о чем-то задумавшись, он молчал, но затем снова раздался его скрипучий голос:

- Говоришь, вы муж и жена и потому любите друг друга. Но сказал Иисус Назорей: «И враги человеку – домашние его!» (**«Евангелие от Матфея», X, 36**).

- А почему? – удивленно воскликнули Анания и Сапфира.

- Да потому, что обычно домашние, эти упертые иудеи, против вступления членов их семей в нашу Церковь. Даже мать Иисуса пыталась разлучить своего Сына с нами. Помню, пришла однажды с братьями Его, а мы, запершись в одном сарае, слушали Учителя. И стала Мария вызывать Сына, но Он не вышел и сказал нам: «То мне не мать, а вы мне мать» (**«Евангелие от Марка», III, 31-35, «Евангелие от Матфея», XII, 46- 50 и «Евангелие от Луки», VIII, 19-21**). И расцеловал нас всех.

Анания попытался представить, как Иисус целовал врасос Симона и называл его родительницей. Вовремя поднятая к устам рука плотника скрыла улыбку, и торжественность момента не была нарушена.

- Зачем же Мария хотела забрать Сына своего и Божьего? – спросила Сапфира.

- Эта подлая тварь считала Его придурком. Но мы вынуждены почитать ее. На словах, конечно.

Кефас снова взял кувшин и на этот раз его опорожнил.

- Это я не вино пью, а кровь Христову, - промолвил он, всё так же вытирая губы рукой (мы советуем всем алкоголикам запомнить сей аргумент).

Тут супруги испугались не на шутку: иудеям строжайше запрещено пить чью-либо кровь. Глава христиан понял причину их страха и рассмеялся.

- Да нет, вы меня не так поняли. Это вино, самое настоящее вино, но в момент причастия оно превращается в кровь Спасителя. И пить её повелел Иисус. А хлеб – это тело Его.

Анания и Сапфира окончательно запутались в христианских премудростях. Их лица выражали недоумение и страх, а Петр продолжал веселиться.

- Ладно, постепенно во всем разберетесь. Приходите сегодня на вечернюю службу.

Апостол два раза ударил кулаком в стену. В дверях показался Иов.

- Проводи их и распорядись, чтобы вечером Товия пропустил наших гостей. Они посетят богослужение.

Когда Анания и Сапфира оказались за воротами, смятение полностью овладело ими. Тот мир, в который они только что окунулись, казался и привлекательным, и

отталкивающим. Что нес он: истину и с ней «спасение» в загробном мире или же пустую, отвратительную болтовню безумцев и их преступные деяния?

Супруги не решились сразу переговорить с Симоном о своем деле. Они, наивные, считали, что сначала надо стать для апостола «своими» и только потом просить его об услуге. Анания и Сапфира надеялись, что Кефасу будет приятно, когда с их помощью возрастет число его учеников. Но главе христиан, который всецело «пребывал в боге», было на это глубоко наплевать. Апостол даже считал, что не ему оказывают благодеяние отдающие всё свое имущество, а напротив, он творит добро, смиренно принимая дома новообращенных. «Так угодно Богу!» - были его любимые слова.

Да, князь апостолов оказался не слишком любезным собеседником, но чем ближе Анания и Сапфира подходили к своему дому, тем больше страх и внутреннее опустошение уступали место любопытству и желанию вновь посетить христиан. И не только потому, что наши главные героини считали Петра чудотворцем, способным излечить Сапфиру. Были и другие причины. Например, желание познать истину, желание, которое, однако, не смогла исполнить в течение тысячелетий ни одна церковь на Земле. Истины же официального иудаизма после встречи с пророком Вениамином супругам опротивели. Кроме этого, молодым нужны были друзья – ведь круг общения Сапфиры был ограничен несколькими соседками да базарными торговцами, а Анания беседовал лишь с плотниками. Тит Росций, к сожалению, заходил к ним редко, ибо любил много путешествовать. Да и был он чужеземцем, человеком иной культуры и иных понятий.

И последняя причина. Религиозная деятельность привлекательна для многих тем, что в церкви не надо работать. Мели себе языком или слушай – и никаких забот. Священники за это даже деньги получают. Анания и Сапфира, правда, так «высоко» не метили и становиться равноапостольными не собирались, но считали, что приятное времяпрепровождение им обеспечено. Единственная проблема заключалась в ненасытной жадности верхушки христиан, пожелавших добра своих ближних – дома супругов.

Несколько часов, проведенных за работой в саду, пролетели незаметно, и Анания с Сапфирой отправились на богослужение. Они притворили калитку и вышли на грязную каменистую дорогу. Прохожих уже не было – иерусалимцы рано ложились спать, и лишь возле своего дома сидела какая-то древняя старушка, которая всё еще не могла смириться с тем, что день закончился и ей уже некого разглядывать. Заметив спешащих куда-то соседей, она обрадовалась и даже слегка привстала с гнилого пенька, служившего ей табуреткой.

- А куда вы идете? Ведь уже поздно! – полюбопытствовала старушонка.

- А тебе что за дело, бабушка Сусанна?! – не останавливаясь, ответил Анания.

Старушка не стала пререкаться, ибо всё равно не смогла бы убедительно возразить соседу, но рот на всякий случай раскрыла и затем еще долго смотрела вслед супругам.

Больше знакомых Анания и Сапфира не встретили. Они быстро нашли цитадель христиан и постучали в калитку. Но поскольку Иов забыл предупредить привратника о приходе супругов, тот отказался их впустить.

- Передай, пожалуйста, Иову, что мы пришли. И учти, что сам Кефас пригласил нас на вечернее богослужение, - убеждала Товию Сапфира.

- Бог знает, кого впускать. Много званных, да мало избранных, («Евангелие от Луки», XIV, 24) – упорствовал привратник.

Тогда супруги стали стучать в ворота и громко звать Иова. Товия испугался и убежал.

- Вы уж извините, он у нас дурачок, - оправдывался отворивший калитку Иов.

А у своего столба лежал и горько плакал Иосиф. Видимо, очередное падение было особенно болезненным. Сапфира подошла к нему.

- Бедняжка, тебе плохо?

- Да, - промычал Иосиф. Слезы размыли слой грязи на его лице, и струйки темной

жидкости стекали с подбородка христианина на землю. Он жалобно стонал и указывал на правую ногу, которую ушиб или сломал.

- Пусть лежит, - сказал Иов, - ему нужен покой. А нам пора.

Они вошли в здание, и супруги, помня утренний маршрут, направились к лестнице, ведущей вверх.

- Не сюда, - возразил их проводник, - мы молимся в подземелье.

Глава четвертая

Несколько чадающих факелов освещали тусклым, неровным светом довольно просторное подземное помещение. Первое, что ощущал оказавшийся в нем человек – это сырость. Казалось, влага сочилась отовсюду: с потолка, стен, пола. Но еще тяжелее переносился недостаток воздуха. Христиане были бы рады во время своих собраний оставлять вход открытым, чтобы хоть немного проветривалось помещение. Но апостолы приказали плотно закрывать люк, ибо ни один звук не должен был проникнуть наружу (читатель скоро узнает, зачем понадобилось такое строгое и на первый взгляд странное правило).

В подземелье собралось человек сто – практически все христиане Иерусалима и, следовательно, мира (в то время учение Христа в другие города еще не проникло). Библия, однако, приводит иную цифру – якобы несколько тысяч новообращенных уже тогда могли насладиться передачей Петру своего имущества. Но в тот момент в Иерусалиме проживало всего-навсего тысяч десять, и проблематично, чтобы апостолы смогли заманить в свою секту аж половину горожан, тем более что Библия постоянно упоминает не только о сильном противодействии иудейских священников, но и о насмешках над еретиками со стороны простых иерусалимцев. Откуда, даже в Иудее, апостолы смогли бы взять столько калек, убогих, юродивых? Где бы жила и собиралась для молитв такая прорва народа? Отметим также, что вскоре после описываемых нами событий секту Петра «рассеяли», как о том написано в восьмой главе «Деяний апостолов». Написано очень кратко, без указаний на бурное противостояние, которое стало бы неизбежным, если бы одна половина иерусалимцев поднялась против второй.

Первые христиане были в Иудее белыми воронами, и увеличить свою численность они смогли лишь за счет других народов. Ведь всё же некоторые евреи успели «познакомиться» с Иисусом Назореем, а остальные видели других, подобных ему ересиархов, и потому, невзирая даже на свою придурь, унаследованную от возвратившихся из Вавилона предков, знали истинную цену таким учениям.

Итак, сырое и душное подземелье было заполнено стоящими христианами. Их бледные лица и сверкающие фанатизмом, но вместе с тем пустые взгляды удивительно гармонировали с мрачной обстановкой помещения. Одежда сектантов представляла собой калейдоскоп дешевых тканей всех видов и цветов, но степень ее изношенности была одинаковой – крайней. Христиане, ожидая начала службы, разбились на небольшие группы и лениво переговаривались.

Супруги удивленно рассматривали членов новой церкви и никак не могли понять, что именно в них кажется странным.

- Посмотри, как они бледны, - шепнул Анания, прислонившись губами к уху жены.

Она кивнула. Ей приходилось видеть, как бледнели люди, узнавшие плохую весть или которых свалил с ног физический недуг. То была, так сказать, бледность естественная. Цвет же лиц собравшихся верующих был настолько неподражаем, что догадаться о причине его

появления супруги смогли лишь позднее, когда узнали о тех страшных галлюцинациях, коим подвержены христиане.

В подземелье пришли и дети. Ни тени улыбки не было на их безжизненных, угрюмых лицах. Они испуганно озирались, посматривая на своих родителей, и уже готовы были заплакать, поскольку им не нравилось, что богослужение так долго не начинается. Хотелось ли им услышать слово божие или же рассудок, который «не от мира сего», всегда заставляет повредничать? Кто знает...

Возле одной из стен подземелья стояла длинная скамья, на которой во время собраний важно восседали апостолы. Христиане старались хоть ее держать в чистоте, и, для того, чтобы главам церкви не было жестко сидеть, клали на скамью подушечки.

Наконец, в подземелье вошли святые апостолы: Симон и его брат Андрей, Иаков и Иоанн, Филипп и Варфоломей, Матфей и Фома, Иаков Алфеев и Симон, прозываемый Зилотом, Иуда Иаковлев и Матфий, заменивший Иуду Искариота (**«Евангелие от Луки», VI, 14-16, и «Деяния святых апостолов», I, 26**). Все разговоры смолкли, и взгляды рядовых христиан устремились на Иоанна, который открывал богослужение. Это был низкорослый и невидный, заикающийся мужчинка, лицо которого постоянно искажала судорога. Встав со скамьи, Иоанн обратился к присутствующим:

- Б-б-братья и с-с-с...

- Сестры, - подсказал Петр.

- Да, с-с-сестры, с-с-сегодня поговорим о лицемерии фарисеев и некоторых из книжников. Однажды они увидели, что м-м-мы, бродя с Иисусом, едим хлеб нечистыми, немые-мы-мы-тыми руками. А они, двуличные твари, и руки моют, и чаши, и кружки, и даже котлы. И спрашивают Его фарисеи и книжники: «Зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумы-мы-мы-тыми руками едят хлеб?». Сказал им тогда в ответ Х-Х-Х-Х...

- Понятно, что сказал, - скабрено усмехнулся Петр, но Иоанн замахал руками:

- Не-не-не-не то, а Х-Х-Х-Христос! Сказал Он им: «Хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исая, как написано: «Люди сии чтут Меня устами, а сердце их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям и заповедям челове-ве-ве-вечским». Ибо вы, оставив заповедь Божию, соблюдаете предание челове-ве-ве-вечское – мыть кружки, чаши, руки, лица и многое другое. Так хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблности свое предание? Ибо М-М-М-М...

Петр, который уже один раз не угадал, что хотел сказать Иоанн, теперь хранил молчание, предоставив оратору полную свободу.

- Ибо М-М-Моисей, сказал фарисеям Христос, учил: «Почитай отца своего и мать свою» и «злословящий отца или мать смертью да умрет». А вы не почитаете и злословите! И учтите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его, но что исходит из него, то оскверняет» (**«Евангелие от Марка», VII, 1-23, и «Евангелие от Матфея», XV, 1-20**).

Некоторые из слушавших апостола присели на корточки и в экстазе водили ладонями по полу подземелья, стараясь по сильнее загрязнить руки. Видевший это Иоанн возрадовался, ибо убедился, что мораль его проповеди усвоена. Он и сам стал озираться по сторонам, выискивая место погрязнее.

- А почему, - тихо спросила Сапфира у стоявшего рядом с ней Иова, - Христос здесь согласен с Моисеем по поводу того, что надо почитать родителей, а утром Кефас говорил нам о ненависти Его к домашним?

- Слушай, - отозвался Иов, - и пока имеешь уши, услышишь.

- Но мы должны понимать, - продолжал Иоанн, - что это раньше надо было п-п-п-почитать родивших тебя, но сейчас иной закон, ибо сказал Х-Х-Х-Христос: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и

сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим у-у-у-у, у-у-у-у-учеником» («Евангелие от Луки», XIV, 26).

Иоанн оглянулся на сидевшего на скамье Петра и с помощью весьма выразительных жестов и мимики дал понять, что закончил. Тогда глава общины медленно встал, прокашлялся и сказал:

- Поблагодарим же, братья и сестры, Святого Апостола Иоанна за мудрую и высоконравственную проповедь. Всегда поступайте так, как учит он, как учу я. И тогда не страшны будут искушения, и бесы никогда не войдут в тело ваше. Ну, а теперь главное – наполнимся же Духом Святым!

Петр напрягся, покраснел; его и без того уродливые черты лица еще больше исказились, и он, размахивая высоко поднятыми руками, издал несколько гортанных нечленораздельных звуков. Затем он встрепенулся, подпрыгнул и окончательно впал в транс. Дико содрогаясь и закатив глаза, князь апостолов быстро и громко заговорил на непонятном языке:

- Угхо-ля-гхур-дряг-угги-бур...

Но уже вскоре его нельзя было расслышать: из уст всех христиан, словно несмазанные телеги по каменистой дороге, понеслись подобные речи. Анания и Сапфира, глядя на ужасные, нечеловеческие физиономии стоявших рядом с ними сектантов, слыша их непонятный, дурманящий и оглушающий говор, испугались. Дрожащая от страха Сапфира прижалась к мужу и спрятала лицо на его груди. А сам Анания изумленно озирался по сторонам и везде видел лишь взбесившихся, дико дергающихся людей. Их прежде бледные лица стали пунцовыми; судорога обезобразила даже самые симпатичные из них.

Постепенно непонятные речи прекратились, и вспотевшие, тяжело дышавшие христиане стали выходить из трансa. Их блуждающие по подземелью опустошенные взгляды становились все осмысленнее, пока, наконец, собравшиеся не вернулись в свое прежнее состояние.

Убедившись, что всё закончилось благополучно, Сапфира успокоилась и спросила у уже пришедшего в себя Иова:

- Скажи, какой это язык?

- Я не знаю, что это за язык. Я сам на нём говорю, - был ответ.

Пока супруги пытаются обнаружить смысл в словах Иова, мы попробуем ответить на вопрос Сапфиры. Библия утверждает, что так называемые «иные языки» появились в день Пятидесятницы, в тот самый момент, когда на верующих сошел Святой Дух. Тогда христиане-иерусалимцы и заговорили на наречиях парфян и мидян, каппадокийцев и фригийцев, критян и аравитян («Деяния святых апостолов», II, 1-15). Понятно, что иудеям ничего не стоило опровергнуть эту новозаветную ложь – ведь любой парфянин или мидянин и т. д. сказал бы, что сия тарабарщина так же похожа на его родной язык, как свинья на коня.

Говорение на «иных языках» не нашло применения в Католической и Православной церквax. Более того, если в Средние века кто-то начинал буровить эту чепуху, то его обвиняли в колдовстве и после чудовищных пыток сжигали на костре.

В начале XX века в США появилась секта пятидесятников. Ее отцы-основатели решили вернуться к первоначальному христианству и потому «иные языки» снова стали пользоваться уважением. Только пятидесятники, в отличие от апостолов, не утверждают, что беседуют на реально существующих наречиях, но вслед за первыми учениками Христа считают, что посредством своей тарабарщины общаются с самим Святым Духом.

Что еще добавить? Психиатрия уже давно доказала, что разговор на «иных языках» является признаком психического заболевания, именуемого глоссолалией. Но Анания с Сапфирой в то далекое время этого не знали и потому терялись в догадках относительно природы того странного явления, свидетелями которого они стали. Надо отдать должное

Иову – он не стал врать, не представился полиглотом. Хотя насмешки иерусалимцев вскоре отучили и других христиан называть свою безумную болтовню иностранными языками. Уже несколько лет спустя апостол Павел в 14-й главе «Первого послания коринфянам» поучал: «...кто говорит на незнакомом (**а не иностранном!**) языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом...», но «если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, - то не скажут ли, что вы беснуетесь?». Казалось бы, разумные слова. Но Павел всё портит, тут же брякая: «Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками». Ну и дурак!

Вволю наболтавшись на непонятном наречии, Петр начал проповедь без предисловия:

- Сказал Сын Божий: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Что сие значит, я вас спрашиваю?

Анания и Сапфира уже успели привыкнуть к тому, что слова христиан необходимо понимать не буквально, а совсем иначе, и потому не решились ответить на вопрос Кефаса. Сектанты тоже молчали. Многие из них, несомненно, знали отгадку, но не хотели портить отношения с апостолом, который должен был сам изречь премудрость (Петр проповедовал весьма необычно: он любил задавать слушателям вопросы, но не любил, когда те отвечали на них).

- Молчание! – констатировал князь апостолов и, взвизгнув, добавил: - Тишина сия от Дьявола!

Дико вращая глазами, Петр стал развивать свою мысль:

- Ведь как мы себя любим? Отрадно нам хлыстами побичеваться, в веригах поистязаться, на столбе, как Иосиф, постоять, пост соблюсти, дабы не впасть в грех чревоугодия, вместо сна помолиться, вместо женщин причаститься. Да, многое требует от нас Отец Небесный, и нелегка сия ноша. Но и других людей, ближних своих и дальних, мы должны возлюбить так же. У нас плоть изодрана и изорвана – пусть и их тела смердят и кровоточат, мы голодны – и другим пускай кусок в горло не лезет, мы не спим – и они должны глаз не сомкнуть, мы живем, как евнухи – так все да будут бессильны! И кому сие не нравится, тому помочь необходимо скорее ад увидеть. Недаром сказал Иисус Христос: «Не мир я вам принес, но палку!».

Но тут в подземелье неожиданно раздалось:

- Меч! Не палку, а меч!

Все изумленно посмотрели на того, кто осмелился перебить самого Кефаса. Храбрецом оказался Иона, молодой христианин, совсем недавно вступивший в общину. Он был худ и мал ростом, но апостолы заметили у него грех гордыни и частенько наказывали наглеца.

Иона осмотрелся и понял, что его слова не нашли поддержки у единомышленников, поэтому испугался и прибавил уже смиренно:

- Так сказано в Священном Писании... (**«Евангелие от Матфея», X, 34**)

Симон несколько опешил от такой дерзости Ионы, но тут же взял себя в руки и лукаво прищурился. Если бы в тот момент его увидел какой-нибудь великий живописец эпохи Возрождения, то наверняка написал бы картину под названием «Святой Апостол Петр приготовился изречь очередную мудрость». И, возможно, это бы помогло художнику в материальном плане.

Кефас попытался вложить в свое прищуривание максимум иронии и сарказма. Членов секты, уставших от долгой проповеди, позабавили кривляния князя апостолов. Сейчас он напоминал пьяного сатира – римского божка или демона; правда, в исполнении сего артиста сатир был какой-то еврееподобный. Будущий первый римский папа, паясничая, «величественно» выдержал паузу и, наконец, обрушился на нарушителя дисциплины:

- Ты что, Иона, меня учить вздумал? Я, наверное, тут самый глупый и невежественный? Сегодня останешься без ужина и спать будешь на голой земле.

- А как было на самом деле? – раздалось несколько подобострастных голосов.

- Палка была на самом деле, - раздраженно ответил Симон. – Когда Сын Божий это говорил, у нас и мечей-то не было. Они дорого стоят, а нам тогда мало подавали. А слово «меч» я сам туда вписал – так солиднее.

Христиане, услышав истину, зашикали на Иону: мол, не знаешь, а перебиваешь. Наказанный и пристыженный возмутитель спокойствия стушевался.

- Братья и сестры! – торжественно молвил князь апостолов. – А теперь снова наполнимся Духом Святым!

Симон закатил глаза, замахал руками и заговорил на «иных языках». И никто во всей Вселенной не смог бы сейчас понять, какие истины и премудрости изрекает святой апостол Петр.

Глава пятая

После второго сеанса христианских лингвистических упражнений Анании и Сапфире стало еще хуже, чем после первого. Их мучили сильная головная боль и тошнота, и супруги уже не могли оставаться в этом странном и беспокойном месте. Благо, богослужение наконец-то завершилось, и незадачливые искатели истины, наскоро попрощавшись с Иовом, побрели домой.

- Почему нам так тяжело? Может, мы отравились?

- Нет, Анания, наша пища всегда свежая и лишь радость приносит она. А этот недуг, я думаю, от тех странных чародейских заклинаний.

- Мучительно их слушать, конечно. Эх, и зачем мы туда отправились?!

Дорога домой показалась нашим героям нескончаемо долгой. Было уже далеко за полночь, когда они, наконец, легли в постель и уснули тяжелым, беспробудным сном. Но и утро не принесло им облегчения. Тупая, изнуряющая головная боль не прекращалась и постепенно стала невыносимой, а в мышцах ощущалась такая усталость, словно вчера супруги не богу молились, а пробежали марафон. Перед их глазами всё плыло; особенно мучительными были постоянные рвотные позывы (Симптомы зомбирования - есть и такое свойство у «иных языков». Сходите к пятидесятникам, послушайте этот бред – и почувствуете себя так же).

Анания пока не получил заказ на плотницкие работы и поэтому смог в спокойной домашней обстановке перетерпеть неизвестно откуда взявшуюся болезнь. Рядом с ним страдала и Сапфира, теперь уже корившая себя за излишнюю доверчивость. И часто супруги в сердцах поминали не совсем добрым словом как премудрого Кефаса-Петра, так и всех его «красноречивых» учеников.

Лишь на следующий день им стало лучше. Молодые организмы, усиленно борющиеся с «духовной» заразой, наконец-то смогли ее одолеть.

- Мы туда больше не пойдем, - решила Сапфира.

Анания угрюмо кивнул. Впереди была жизнь без божественных болезней, но и без детей...

* * *

Через два дня после посещения нашими героями христиан богослужение в обители прошло успешно. Конечно, не в том смысле, что к верующим спустился их бог, восхищенный

и покоренный столь преданным ему служением, а лишь потому, что на сей раз не случилось скандала, как тогда с Ионой.

Заканчивая собрание, Симон распорядился:

- И пусть ко мне зайдут братья мои, Иов с Иеремией.

Приглашенные сектанты вошли в опочивальню Петра и присели на скамью. Князь апостолов окинул их оценивающим взглядом. «Хватит ли у них Веры, достанет ли им Даров Духа Святого и благословения Божьего, дабы смогли они изловить и усмирить зверя бесстрашного?» - думал глава общины. Он отставил кувшин, прокашлялся и приступил к делу:

- Велика власть Сатаны и наваждений бесовских, но стойкость в Вере превозмогает сии коварства. Сила молитвы несказанна! Крушит она царства, вертит народами и племенами, в пыль превращает камень. Учитесь, братья, у меня, и могущество безграничное да дарует вам Дух Святой!

Иов и Иеремия молча слушали своего руководителя и удивлялись, отчего его потянуло на патетику. Петр заметил их вопрошающие взгляды.

- Призвал я вас для дела, по плечу оно лишь мужам отважным. Людям мы проповедуем, открываем им Имя Спасителя, но не только человекам, но и тварям иным должны мы нести Свет Истины.

Слушатели апостола удивились еще больше. «Каким же другим тварям мы будем проповедовать? – думали они. – Чертям, что ли?».

- Замыслил я, - продолжал Петр, - обратить в Веру истинную царей зверей, львов диких и своенравных. Сила их и свирепость весьма бы намгодились. Дел у нас много, а помощников мало, да и те, не в укор вам будь сказано, слабые и трусливые. Словом, завтра ночью пойдете в зверинец и приведете ко мне льва.

Иеремия и Иов ужаснулись. Нутром своим они почувствовали всю опасность задуманного Петром предприятия, причем опасность для них лично, апостол же оставался в стороне.

Казалось бы, с какой стати христианам бояться смерти? Ведь она для них не конец существования, а начало новой, лучшей жизни, когда, пребывая в раю, они будут лицезреть Господа нашего Иисуса Христа, а целые сонмы ангелов, серафимов и херувимов, усладят слух праведников божественной музыкой! Однако любой верующий не меньше нормального человека боится смерти. Видно, закрадываются ему в душу сомнения относительно реальности того сказочного потустороннего мира. И даже в те мгновения, когда вера прихожанина особенно сильна, когда в кошмарном тумане галлюцинаций ему являются все боги и святые, он не спешит расстаться с «миром скорби и слез». Ведь там, в раю, он будет жить подобно привидению – без тела. Ни тебе поесть, ни выпить, ни совокупиться, только на бога и смотри...

Конечно, иногда случается, что некоторые верующие добровольно уходят из жизни. Поэтому попы запретили самоубийства, опасаясь, как бы вся их паства не полетела на небеса, оставив пастырей без подаяния. Но церковники слишком переоценили степень воздействия своих безграмотных проповедей, ибо к суицидам приводит не желание поскорее попасть в обещанный попами рай, а физические страдания или психическая болезнь.

Собеседники Петра пока на «тот свет» не собирались, поэтому приказ апостола их просто ошеломил.

- Как же мы его... приведем? – упавшим голосом спросил Иеремия.

- Я научу, об этом не беспокойтесь. Я всё продумал за вас. Ночью охраняющие зверинец римляне уснут, и тогда вы тихонечко подберетесь к клетке. Поздоровавшись со львом, прочтёте ему несколько молитв – и на нашем наречии, и на иных языках. Я сам ещё точно не знаю, что полезнее, тогда скажете мне, какой язык сильнее усмирил сию тварь

Божию.

Ловцы льва задрожали. Им не хотелось идти на верную смерть, но перечить Кефасу тоже было опасно. Почти всю свою сознательную жизнь ученик Христа не ладил с правосудием, и хотя сейчас он пытался скрыть свои уголовные привычки под личиной кроткого, но вместе с тем всемогущего пастыря, он не мог обмануть близко знавших его людей. Многие знали, как опасен Петр (Иудейские источники сообщают, что все апостолы – «отпетые» преступники, но особо выделяют Симона. Вспомним также, как при задержании Иисуса Христа Кефас отрезал человеку ухо (что за блатные привычки!). Но даже этот эпизод меркнет по сравнению с тем, как он «отблагодарил» за доверие Ананию и Сапфиру).

Иова и Иеремию было сложно убедить в том, что князь апостолов – великий волшебник, ибо почти все из его «чудес» готовили и осуществляли они сами. Поэтому надежда на усмирение льва теми средствами, что предписал Петр, была призрачной. Кефас тоже понимал, что не пользуется у своих нынешних собеседников репутацией чудотворца и оттого испытывал к ним неприязнь. И это при том, что они никогда не высказывали вслух сомнений в способностях апостола как волшебника. Сам же Симон считал, что колдовство ему нередко удается. При неудаче же чуду надо немного подсобить, и нет в этом ничего зазорного, ибо сие делается к вящей славе Господней. Сейчас он внимательно смотрел на своих помощников и с каким-то садистским интересом ждал, как они станут уваливать от задания. Его несказанно радовала возможность испугать своих подчиненных.

- Рабби, - попытался возразить Иеремия, - зверинец хорошо охраняется.

- Пустое. Когда засыпает центурион, устраиваются на ночлег и легионеры. Римляне считают, что никому из нас и в голову не придет мыслить похитить столь опасное животное, поэтому они следят в основном за исправностью клеток: чтобы звери не смогли освободиться и убежать (что очень плохо) или при этом ещё и полакомиться воинами императора (что ещё хуже).

Князь апостолов острил и надеялся услышать смех подчиненных, но лица Иова и Иеремии оставались угрюмыми. Видно, для восприятия того плоского и назойливого еврейского юмора, века спустя прозванного одесским, нужно было иметь иное настроение.

- Мне пора молиться, - взвизгнул Петр, обиженный равнодушием собеседников к своей шутке, - пошли вон!

Христианская церковь очень любит рассказывать байки о том, как дикие, свирепые звери подчинялись святым, служили им и работали на них. Например, святой Иероним однажды вытащил занозу из лапы льва, и зверь за это с ним подружился. Когда Иероним бил себя камнем в грудь, так умиряя гордыню разума, предпочитавшего Цицерона Христу, лев жалостливо выл, сокрушаясь по поводу неразумного старикашки-членовредителя.

Христиане не были здесь оригинальны: вспомним хотя бы расхаживавшую со львами фригийскую богиню Кибелу. Но из последователей Иешуа Назоретского первым додумался использовать зверей именно Петр. Трудно сказать, как в его голове зародилась идея о львах, но редко какая-нибудь мысль приходит без связи с предыдущими размышлениями. Скорее всего, апостол просто однажды сквернословил, именуя кого-то тварью, а так как был он человеком глубоко верующим, то в сознании его постоянно крутился эпитет «божий». Два слова соединились, получилось «тварь божия», то есть животное, зверь (хотя часто верующие так называют и людей), и отсюда уже было недалеко до мысли о львах.

Петр, собираясь усмирить диких и опасных царей зверей и заставить их служить общине к вящей славе Господней, хотел таким способом показать свою теологическую силу. Но где было взять льва для дрессировки молитвами и заклинаниями? Апостол не решился направить своих подчиненных в саванну, так как справедливо полагал, что при встрече со львом они могут не успеть прочесть молитву до конца, и даже, быть может, до середины. И, таким образом, святые слова не успеют подействовать на царя зверей, а это чревато

уменьшением численности общины. Поэтому Симон решил поступить хитрее и выкрасть льва из небольшого зверинца в Иерусалиме. Здесь римляне держали отловленных зверей, «накапливая» их перед отправкой в те города, где проводились бои.

На следующий день Петр вручил Иову и Иеремии свиток с умирляющими львов заклинаниями и дал несколько ценных указаний.

- Не волнуйтесь, я буду молиться за вас, - добавил апостол, глядя на трясущихся от страха звероловов.

Наступила ночь. Когда ловцы льва подошли к выходу, их окликнул Товия:

- Стой! Кто идет?

- Иов.

- Иеремия.

- Да, проходите, мне Кефас вроде говорил, что вас надо выпустить. Когда вернетесь?

- Мы не знаем, - жалобно ответил Иов.

- Тогда меня разбудите, - зевая, сказал Товия, и, слегка отворив калитку, осторожно выглянул наружу. Улица была пуста.

- Идите с Богом! – по-своему пожелал он удачи уходящим.

- И тебе дай всего Бог! – откликнулись звероловы. Щелкнул замок калитки, и они остались наедине с опасностями, подстерегавшими их и по пути в зверинец, и в нем самом. Скорбя, христиане двинулись в путь.

Иеремия посмотрел на небо. Иов решил, что его товарищ просит поддержки у Духа Святого, но тот промолвил:

- Какое чистое, без единого облачка небо! И луна так предательски светит!

- Да, издали нас видно будет... Ни за что пропадем...

- И всё из-за Симона! Сам ко льву не пошел, нас послал. Ну зачем он ему понадобился?

- Может, станет с ним охотиться на Сатану?

Звероловы засмеялись, но, конечно, не потому, что считали дьявола дурацкой выдумкой, а по причине своей полной уверенности в непобедимости этой персоны, которую не может усмирить даже бог. Куда уж Петру со львом!

- Нет, не охотиться он будет, хочет силой своей волшебной похвастаться. Вон сколько заклинаний написал, - сказал Иеремия и похлопал по свитку, который висел у него на поясе.

- Помогут ли они?

- Вряд ли, - покачал головой Иеремия. – Как объяснить твари неразумной чистоту наших помыслов?

- Быть может, не объяснять надо, а немного поколдовать?

- Иов, о тебе сказано: «Утопающий и за соломинку хватается». Льва боишься, потому и хочешь тебе в силу колдовских чар Симона уверовать. Забыл, как брата своего из дальнего селения приглашал, чтоб он хромым у храма притворился?

Иов тяжело вздохнул.

- Что же теперь с нами будет?

- А что Богу угодно, то и будет, - успокоил его Иеремия.

Когда христиане вышли на широкую улицу, Иов неожиданно схватил спутника за руку и шепнул: «Стражники!».

Действительно, вдалеке показался ночной дозор, бдительно высматривавший нарушителей общественного порядка. К счастью, римляне не заметили припозднившихся путешественников, но шли в их сторону. Звероловы испуганно прижались к стене дома.

- Иов, где они?

- Да прямо к нам идут!

- Бежим!
- Нет, они нас не увидели. Надо спрятаться.
- Куда ж тут спрячешься?
- Постой, возможно, здесь не заперто.

Иов, стараясь слиться со стеной, стал пробираться вдоль нее к углу здания, где мог быть вход во дворик. Он наивно надеялся, что хозяин дома не запер на ночь ворота. Но христианам на этот раз действительно повезло: когда Иов дошел до угла, то увидел очень узкую улочку, которую скорее можно было назвать проходом между домами. Сюда не проникал лунный свет.

- Иеремия, иди сюда! Мы спасены!

- Слава Тебе, Господи! – откликнулся зверолов и, прижимаясь к стене дома и с опаской наблюдая за приближающимся дозором, подобрался к товарищу. Ночные путешественники сломя голову кинулись в спасительный проход и, наткнувшись на какой-то хлам, упали. К счастью, грохот от их падения был невелик и уже вплотную подошедшие римляне ничего не услышали. Христиане притаились, даже попытались задержать дыхание. К ним донеслись голоса стражников:

- Луций, как тебе та рыжая сирияночка?
- Хороша, но плутовка окаянная! Все сестерции выманит!
- Но стоит того!
- Не знаю, Децим говорит, что знавал и получше. Да, друг?
- Еще бы!
- Просто Децим был пьян!
- Сам ты пьян, скотина!
- Эй, не ссорьтесь. Вы на службе.
- А чего он врет?
- Ладно, успокойтесь.
- Успокойсь тут. Всю ночь ходим, бродим, и хоть бы одну душу живую встретили.

Спят все евреи, и нам пора на боковую.

- Днем отоспитесь. Прекратить разговорчики!

Голоса римлян постепенно становились всё тише и тише, пока, наконец, не смолкли. Иов, лежавший на каких-то глиняных черепках, осторожно приподнялся и присел на корточках. Иеремия встал во весь рост и, тяжело дыша, постепенно приходил в себя. Хотя будущие звероловы пока не совершили ничего противозаконного, они испугались не на шутку: если бы их выловил ночной дозор, то сперва пришлось бы объясняться с римлянами, а затем, что удручало их гораздо больше, с Петром. Ведь они бы просидели под стражей, по крайней мере, до утра, и в таком случае задание не было бы выполнено. А наказывал апостол всегда очень жестоко и изобретательно. Он хотел не только причинить боль, но и унижить провинившегося, и оттого в общине Симона боялись даже больше, чем бога.

- Кажется, пронесло, - предположил Иов и, подобравшись к углу дома, огляделся.

Стражники ушли.

- Как там? – спросил Иеремия.
- Пусто. Можем идти дальше.
- Ох, и натерпимся мы страха с таким поручением...
- Что делать? Думаешь, мне это нравится?

Так, беседуя о наболевшем, христиане продолжили свой путь в зверинец.

- Какой же я несчастный, - ныл Иов. – Связался с этим Симоном, отчий дом и скотину продал, все деньги ему отдал. Он мне тогда говорил: «Как только взнос внесешь – и спасешься, и мне станешь братом». И вот он как с братом поступает! Сам в мягкой постели

дрыхнет, а я неизвестно куда, может быть, на смерть, иду!

- Да, - согласился Иеремия, - и никуда от него не скроешься. Кому мы нужны без имущества, без денег? Крепко нас всех Симон в кулаке зажал. Но, раз так случилось, ты, Иов, посмотри и на хорошую сторону.

- Какую там хорошую!

- Тебя разве окружающие раньше дураком не считали?

Иов вздрогнул от неожиданного и неприятного вопроса и, приготовившись к скандалу или даже драке, посмотрел на своего обидчика. Он ожидал увидеть в глазах Иеремии насмешку и желание поиздеваться, но его спутник, напротив, был серьезен и, как видно, настроился на откровенный и доверительный разговор.

- А тебя не считали? – закричал, сжав кулаки, Иов.

- И меня тоже, - тихо, склонив голову, вымолвил Иеремия.

Остановившиеся было христиане зашагали вновь, и минут пять ничто не нарушало тишины ночного Иерусалима. Первым заговорил Иов:

- Так что ты хочешь этим сказать?

- А то, что теперь окружающие – а это члены нашей общины – ни тебя, ни меня дураками не считают.

- Да дураки, идиоты те, кто нас так называет!

- Я с тобой согласен, они лишены благодати Спасителя, но всё равно, знаешь, неприятно...

- Поменьше обращай внимание на скотов, - ответил Иов, - каждой свинье пасть не заткнешь.

Чуть не подравшиеся ранее христиане засмеялись и, довольные, ибо их развеселила плоская шутка Иова, пересекли просторную площадь и углубились в лабиринт узеньких вонючих улочек. Какую только мерзость ни выбрасывали и ни выливали в эти проходы живущие здесь иерусалимцы! Потому Иов и Иеремия попытались пройти аккуратно, но в темноте было трудно разглядеть ловушки, и звероловы то и дело вступали во всякую гадость. Наконец они увидели высокий каменный забор. За ним находился зверинец.

Звероловы подошли к ограде. Неприятная ночная «прогулка» утомила их, но не усталость сейчас была заметна на лицах Иова и Иеремии, а животный, всепоглощающий, леденящий кровь страх. Еще не поздно было покинуть это опасное место, но христиане не осмелились нарушить приказ Петра.

Иов не без труда забрался на плечи ставшего у забора Иеремии. Теперь он хотел сесть на каменную ограду и попытаться за руку подтянуть на нее своего товарища. Трудно сказать, удалось бы это ему или нет, так как действительность внесла свои коррективы в план охотников. Оттолкнувшийся от плеч подельщика Иов не рассчитал силу прыжка и перелетел через забор. Иеремия услышал звучный шлепок, крик и стоны, засмеялся и на мгновение даже забыл об опасности.

- Идиот, что ты веселишься?! – послышалось из-за забора.

- Да нет, ничего. Как ты там?

- Смотри у меня, тварь... Ох, грехи мои тяжкие... Больно-то как... Ты слышишь меня?

- Слышу.

- Иди к калитке, я открою.

Охая и причитая, Иов пошел вдоль забора, отворил калитку и впустил Иеремию. Христиане огляделись. Огороженная каменным забором территория площадью примерно в югер (югер – 2523,30 кв.м.) была плотно уставлена клетками. Но многие из них пустовали: видно, охота на зверей не всегда проходила успешно. Справа виднелся небольшой дом, в котором безмятежно спала охрана зверинца. Обитатели клеток тем более ни о чем не беспокоились, мирно похрапывали и иногда зевали, словно специально желая показать свои

страшные зубы забравшимся к ним божьим людям. Иова и Иеремию несказанно смутили эти утробные, глухие звуки, в которых слышалась дикая, необузданная мощь. Потому звероловы не стали любопытствовать, рассматривая всех животных, а подошли к первой попавшейся клетке со львом. Самец средних размеров крепко спал и лишь изредко подергивал лапой, наверное, видел какой-то интересный сон. Христиане, держась от клетки на безопасном расстоянии, стали готовиться к проповедованию. Иеремия отцепил от пояса свиток, развернул его и только теперь понял, как трудно разглядеть письма в темноте. Он смотрел на луну и звезды и, по-всякому поворачиваясь, пытался стать так, чтобы их свет упал на текст заклинаний.

- Пис-ху-дур-бул... - вымолвил Иеремия и умолк.

- Ну что ты там? Читай.

- Не могу. Темно. Придется ждать рассвета.

Иова такая перспектива явно не устраивала. Он поежился, представив, как проснувшиеся римляне обнаруживают непрошенных гостей...

- Иеремия, да что мы, в самом деле, сами не умеем на иных языках разговаривать? Начинай!

И тогда в зверинце послышались христианские речи:

- И-го-го-брым-лям-сун-бур-лум-брум-буй-кум-люм-как-пис-пердь!

Лев приоткрыл один глаз. Перед ним плясали и издавали какие-то странные звуки две забавные обезьянки. Хищник спросонья рывкнул, мол, не мешайте спать, закрыл глаз и снова задремал. А христиане, напротив, воодушевились достигнутым успехом и усилили свои старания. Молитвы сыпались одна за другой, а чтобы зверь получше усвоил христианскую премудрость, в него полетели сначала камешки, потом камни.

И тут Иов с Иеремией увидели зрелище более ужасное, чем даже часто мерещившийся им Страшный суд. Внезапно лев вскочил и с диким ревом кинулся на стенку клетки. От сильнейшего удара один прут лопнул и несколько погнулись.

Следующим звуком, раздавшимся в зверинце, был стук захлопнувшейся за христианами калитки.

Когда стало ясно, что погони нет, запыхавшиеся звероловы остановились.

- Мы были на волосок от гибели! – возвестил Иов.

Иеремия хотел что-то ответить, но не смог. Иов удивленно посмотрел на своего такого еще недавно говорливого товарища и увидел, что тот зажал в зубах свиток с симоновыми заклинаниями.

- Вынь молитвы изо рта.

Иеремия послушался и привязал свиток к поясу.

- Как ты, друг? – спросил он.

- Плохо, - ответил Иов, - прямо чертовщина какая-то! Потерял набедренную повязку...

- Ты осквернился и выбросил ее?

- Нет, просто потерял. Развязалась.

- А я осквернился, - признался Иеремия.

Христиане вернулись в общину лишь под утро, ибо сдуру заблудились.

- Эй, Товия, ты где? Отпирай! – кричал Иов и бил кулаком в ворота.

- Кто там? – послышался хриплый голос привратника.

- Это мы, Иов и Иеремия.

- А, пришли наконец. Что-то долго вас не было.

- Твое дело калитку открывать, а не рассуждать, - не выдержал Иеремия.

Звероловы вошли в дом, и это некрасивое и перенаселенное строение, в котором отсутствовали «удобства» и даже самые необходимые вещи, после всего пережитого ночью показалось им истинным раем.

- Вот мы и дома! Как же здесь хорошо! – восторженно воскликнул Иеремия и пошел мыться, а Иов прикрыл срам чистой набедренной повязкой. Впрочем, чистой ее можно было назвать лишь с некоторой долей условности: не коричневая – и то хорошо.

- Ой, как спать хочется! – зевнув, сказал вернувшийся после омовения Иеремия. – Прямо глаза слипаются.

Уже сидевший на ложе и клевавший носом Иов согласился с братом по вере, но скорбно заметил, что Петр их убьет.

И христиане отошли в царство Гипноса и Морфея, древнегреческих богов сна и сновидений.

Глава шестая

Утренние, еще не знойные солнечные лучи осветили кривые домики и узенькие улочки Иерусалима и, становясь всё жарче, уверенно прогнали ночную прохладу. Проснулись и защебетали птицы, раскрылись, встречая новый день, цветы, пробудились и уже хлопотали люди: носили воду из колодцев, кормили скот, разжигали остывшие за ночь домашние очаги. Городские кварталы окутал едкий густой дым, предвещавший завтрак. Слабый ветерок разносил по улицам запах пекущихся лепешек, и толпившиеся во дворе своей обители христиане жадно вдыхали благословенный аромат. Он им напомнил многое: беззаботное детство, вечно занятых родителей и пышущие жаром, самые вкусные на свете домашние лепешки...

Дверь в опочивальню Кефаса бесшумно отворилась, и в проходе показался евангелист Марк с кусочком папируса в руке. Он вошел в комнату и остановился возле дремавшего Петра; тот медленно приподнялся на ложе и молча уставился на своего «брата во Христе». Взгляд князя апостолов был до такой степени мутным и бессмысленным, что Марк невольно отшатнулся от Симона и испуганно спросил:

- Что с тобой, рабби? Ты меня не узнаешь?

- Ха-бэ-мэ-гухур, - спросонья пробурчал будущий первый римский папа и снова улегся, правда, на сей раз неудачно: он ударился головой о край ложа, вскрикнул от боли и наконец-то очнулся. Осторожно потирая ушибленное место, Петр чертыхнулся, но тут же в порядке компенсации произнес славословие богу.

- А я к тебе, - молвил Марк.

- Сам не спишь и другим не даешь. «Напрасно вы рано встаете!» (псалом 126, ст. 2).

- Пробудился я для дела богоугодного. Чувствую, как перстами этими, - тут Марк поднял и показал Петру свою грязную волосатую руку, - кто-то водит свыше.

- Так и должно быть, - рассудил князь апостолов. – Все слова в твоём Евангелии боговдохновенны. Читай, что написал новое.

Марк присел на стоявшую возле стены скамью, почесал свои курчавые слипшиеся волосы и, развернув кусочек папируса, стал читать:

- На другой день, когда они вышли из Вифании, Он взалкал; и, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но пришед к ней, ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек. И слышали то ученики Его. Пришли в Иерусалим. Иисус, вошед в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес чрез храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: «дом Мой домом молитвы наречется для всех народов?», а вы сделали его вертепом разбойников. Услышали это

книжники и первосвященники и искали, как бы погубить Его; ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся учению Его. Когда же стало поздно, Он вышел вон из города. Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив, Петр говорит Ему: Равви! Посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла. Иисус, отвечая, говорит им: имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: «поднимись и ввергнись в море», и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, - будет ему, что ни скажет (**«Евангелие от Марка», XI, 12-23**).

Петр внимательно слушал Марка. Правда, однажды он попытался его перебить, но евангелист, жестами давая понять, что нужно дослушать этот эпизод до конца и только тогда делать замечания, так и не позволил князю апостолов вставить слово. Впрочем, сомнения Симона скоро рассеялись, и он одобрительно кивал Марку. Когда чтец умолк и вопрошающе посмотрел на Петра, апостол, улыбаясь от удовольствия, воскликнул:

- Э, вот ты как всё повернул! Подлинно рукой твоей водил Дух Святой! Так и надо это описывать!

И, рассмеявшись, добавил:

- Да, нельзя было Иисусу Христу пить... (см. **«Евангелие от Луки», V, 29-35**). И столб за смоковницу принял, и в храме, святом месте, такой дебош устроил! Многие торговцы тогда не досчитались своих денег, а Учитель, проспавшись, недоумевал, откуда у нас столько серебра. Ох, и погуляли мы в тот день!

Марк, гордый своим искусством, высокомерно улыбнулся и попросил увеличить ему паек, но Петр притворился, что не расслышал. Тогда евангелист осмелился повторить свою просьбу.

- Проклятие! – чуть не задохнулся от возмущения князь апостолов. – Хочешь подвиг святости совершить, а сам бесам угождаешь! Погряз, подлец, в грехе чревоугодия! Вон Иисус Христос пятью хлебами и двумя рыбами тьму народа накормил, так представь, как мало каждому досталось! Ступай, Марк, с Богом, да позови Иова с Иеремией.

Не ожидавший такой гневной отповеди евангелист пристыженно ретировался, и вскоре перед строгими очами Петра предстали заspanные и испуганные звероловы.

- Господь любит тебя, рабби.

- И вас Господь любит, дети мои. Привели ли вы льва?

Звероловы смутились и, чувствуя за собой вину, старались не смотреть апостолу в глаза.

- Отвечайте!

- Мы говорили льву на иных языках, но он не присмирел, - оправдывался Иеремия.

- Не может быть!

- Да, рабби, - подтвердил Иов, - языки лишь раззадорили скотину. Нам с трудом удалось спастись.

Петр в задумчивости прошелся по комнате. Он пытался понять причину неудачи, но туго соображала голова. «Разве не говорил Иисус, - думал князь апостолов, - «всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, - и будет вам»? (**«Евангелие от Марка», XI, 24**). А я просил льва, но не получил даже дохлого котенка. Как же так случилось?... Значит, подвели эти придурки. Надо подвергнуть их обряду очищения и затем снова попробовать».

- Ладно, поимку льва мы отложим. Вы пока не готовы к духовному подвигу.

Иов и Иеремия облегченно вздохнули. Они не ожидали, что Петр так спокойно отнесется к провалу задуманного им предприятия. Но в этом не было ничего удивительного: апостол легко перескакивал от одного «увлечения» к другому. Сейчас его уже занимала иная проблема, потому он и решил повременить со вступлением льва в свою секту.

- Почему я уже третий день не вижу... этих... Ананию и Сапфиру? – спросил Петр и уставился на Иова.

Христианин недоуменно пожал плечами.

- А ты знаешь, где они живут?

- Приблизительно. Сапфира говорила, что недалеко от дома ростовщика Иезекииля.

Петр вздрогнул. Он хорошо знал этого финансового воротилу. Не так давно святой апостол Андрей попытался склонить Иезекииля к вступлению в секту, однако ни запугивание Вторым пришествием Иисуса Христа, ни даже обещание высокого поста в церкви не возымели должного действия. Сначала ростовщик улыбался, а затем твердо заявил, что не даст даже лепты. Возмущенный до глубины души Андрей принялся было буяннить, но слуги Иезекииля быстро вытолкали апостола вон.

- Иов, я пекусь о спасении душ Анании и Сапфиры, - лицемерно заявил Петр. – И за это Господь воздаст мне. А вот тебя и Иеремию Он покарает, ибо какое вам дело ни поручи, всё провалите.

- Но почему ты так говоришь, рабби?! – обиделся Иов. – Разве не мы организовали чудо у Красных дверей храма? А еще...

- Заткнись! – взвизгнул князь апостолов. – Оба вон!

«Ничего, после обряда очищения присмирееете», - злорадно подумал Петр, оставшись в одиночестве. Он кое-как оделся и отправился в соседнюю комнату к брату. Андрею предстояло «спасти» дом Анании и Сапфиры от... его же владельцев.

Но вернемся к нашим бесхитростным героям. Они проснулись рано, но пока Сапфира доила коз и готовила завтрак, Анания смог еще понежиться в постели. У супругов в погребе хранился кусок козлятины, и хозяйка решила побаловать мужа. Она зажарила сочное мясо, а также испекла несколько лепешек. Когда еда была готова, Сапфира вошла в спальню. Муж сладко дремал.

- Любимый, вставай, - прошептала красавица и попыталась разбудить Ананию поцелуем. Ей это удалось: плотник медленно потянулся и открыл глаза. Глядя спросонья на жену, он улыбнулся, и в его очах сверкнул радостный огонек.

- Я приготовила вкусный завтрак.

- Ты всегда прекрасно готовишь, милая.

Пока Анания совершал омовение, Сапфира поставила на стол глиняную миску с кусочками мяса, которые были покрыты ароматной хрустящей корочкой и украшены зеленью, кувшин с парным козьим молоком и горячие лепешки. Хозяин дома, видя такое великолепие, удовлетворенно погладил бороду (была у него такая привычка) и приступил к трапезе.

- Ты бы сходил к Захарии, - молвила супруга, окончив завтрак, - быть может, он расплатится, и мы вернем Иезекиилю часть долга.

Анания тяжело вздохнул.

- Я встретил вчера Енею, он каждый день ходит к Захарии. Увы, денег пока нет...

- Плохо, когда тебе должен богач, - заметила Сапфира, - бедняк бы давно рассчитался.

- Ничего, отдаст.

Супруги немного помолчали. Анания тоже всё доел и теперь тайком, ненавязчиво любовался предметом своей страсти. «Как же мне повезло с женой! – думал он. – Эх, кабы не тот проклятый Вениамин... И чем я прогневил Бога?»

Молодая женщина словно слышала мысли мужа. Она смущенно поежилась и заговорила:

- Знаешь, мне сегодня приснился сон. Или то было наяву?! Не знаю...

- Что такое? – испугался Анания.

- Ко мне явился лучезарный Божий вестник, машущий многочисленными крыльями, и, откашлявшись, молвил: «Сапфира, благословенна ты между женами и скоро понесешь. Много чад будет у тебя, и все они получают благословение Божие!»

Плотник изумленно смотрел на супругу. Он не знал, радоваться ему или печалиться. Вроде бы сей знак считался хорошим, следовательно, самое заветное желание Анании и Сапфиры стало сбываться. Но вмешательство «высших сил» всегда тревожит и пугает! Дальнейшие расспросы жены ни к чему не привели. Она даже не могла точно сказать, приснился ли ей многокрылый серафим или же явился в действительности (то есть был галлюцинацией). Супругам оставалось лишь ждать и надеяться на лучшую долю.

Сапфира сменила хитон на одежду из сурового полотна и вышла в сад. Земля покрылась плотной коркой, и её предстояло взрыхлить. Стройная и гибкая, как тростинка, молодая женщина принялась за работу. А Анания тем временем занялся ещё более трудоёмким делом: он давно хотел вырыть колодец и теперь стал исполнять задуманное.

Когда занят, время летит незаметно. Уже приближался обед; вдруг Ананию кто-то окликнул. У калитки стоял святой апостол Андрей и размахивал руками. Плотнику этот визит был явно неприятен; Анания смутился и захотел куда-нибудь спрятаться от настырного христианина. Но апостол уже увидел его с Сапфирой и теперь настойчиво рвался во двор.

Немало бед случается из-за того, что многим людям трудно сказать твердое «нет». И подлецы часто пользуются нашей стеснительностью, нашим ротозейством. Кто знает, как бы дальше сложилась судьба Анании и Сапфиры, направь они незваного гостя подальше. Но наши главные герои, увы, приняли волка в овечьей шкуре...

Андрей был среднего роста. На его круглом обрюзгшем лице располагался маленький, похожий на пяточок нос, а веки небольших глаз были воспалены. Тонкие искривленные губы в то время, когда их обладатель молчал, служили маскировкой для немногочисленных гнилых зубов. Мочки ушей христианина приросли к скулам, а низкий лоб покрывали какие-то язвочки. Его руки дрожали; правая сжимала папирусный свиток. От апостола веяло святостью, чесноком и перегаром.

Анания отворил калитку и разрешил гостю войти. Андрей по-хозяйски окинул взглядом маленькую усадьбу супругов, и его сердце учащенно забилось: дом оказался даже лучше, чем предполагал Петр. Аккуратно сложенный из прочного камня (дерево в тех безлесых краях стоило дорого и шло лишь на каркас), ухоженный, пусть небольшой, зато уютный, он был лакомым кусочком для христианской секты.

- Куда вы пропали? – возмутился святой апостол.

- Нам было очень плохо после богослужения, - оправдывалась Сапфира.

- Конечно, - согласился Андрей, - у вас внутри полно бесов, и им пришлось не по нраву наши святые речи и молитвы.

И бедным супругам показалось, что они начали что-то понимать.

- Бесов надо изгнать! – поучал христианин. – От них все мучения. И я вам, так уж и быть, помогу. Ну, что, может в дом пригласите?

- Проходи, пожалуйста, рабби, - любезно промолвил Анания и отворил дверь перед «всемогущим» гостем.

Андрей вошел и осмотрелся. Стены обеих жилых комнат были чисто выбелены; в большем помещении стояла широкая кровать, а напротив нее, на яркой циновке – два сундука на изящных резных ножках. Потолок поддерживала толстая деревянная колонна. В меньшей комнате находились стол и две скамьи. Кругом была чистота и порядок, но апостолу явно не понравился пустой стол.

- У тебя есть вино? – спросил он у Анании.

- Но ведь еще рано! – ужаснулась Сапфира, которая, как и почти все жены в мире, не любила, когда ее муж выпивал «с друзьями».

- Молчи, женщина! – грубо осадил ее брат Петра. – Это предрассудок, суеверие. Иисус Назорей давным-давно отменил сию глупость.

- Надо уважить гостя, - шепнул жене плотник и полез в погреб за кувшином. Апостол

удовлетворенно хмыкнул и присел за стол.

- А что ты будешь есть, рабби? – поинтересовалась хозяйка.

Андрей икнул и скривился:

- Пока не хочу.

И, жадно схватив принесенный Ананией кувшин, сделал несколько больших глотков. Затем божий человек облизал губы, глубоко вздохнул и приступил к проповеди:

- Давно наш народ ждал Спасителя, и Он явился – Сын Божий, кроткий, жертвенный агнец, взявший на себя грехи мира. Своей мученической смертью Он искупил первородный грех человечества, и теперь всех уверовавших в Христа ждет вечная и счастливая жизнь на небе.

- Да?! – в один голос воскликнули супруги.

- Я что, врать буду? – обиделся христианин. – Разве вы не знаете меня?! Я Святой Апостол Андрей Первозванный!

Молодые успокоили вспыльчивого мужчину; тот снова выпил вина, и ему наконец-то полегчало.

- Но нечестивцев ждет страшная кара, - продолжал Андрей. – Скоро наступит Страшный суд, - оратор развернул свой замазанный свиток и стал читать: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (**«Откровение», IX, 6**). И они будут мучиться вечно!

- А как скоро это произойдет? – побледнел Анания.

- Учил Иисус: «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё сие будет» (**«Евангелие от Матфея», XXIV, 34** и **«Евангелие от Марка», XIII, 30**). Посему бодрствуйте!

Да, первые христиане ждали «конца света» еще при жизни своего поколения – так обещал Иешуа из Назарета. Видать, сектанты бывали немало удивлены, когда, не дождавшись Страшного суда, отправлялись в «мир иной». И уже на основании только одного этого факта современный читатель может по достоинству оценить «достоверность» пророчеств еврейского «бога»-плотника. Но Анания и Сапфира, малограмотные и несчастные люди, не знали, что страшные речи Андрея – всего лишь пересказ человеконенавистнического бреда.

- Рабби, мы бы с радостью вступили в твою Церковь, - молвила Сапфира, - но нам нездоровилось после слушанья «иных языков»!

- Бесы, всё бесы, - поучал апостол. - И мне бывало дурно, но потом привык. Ничего страшного. Зато научитесь наречиям многих племен и народов.

- Но если мы станем жить в обители, то останемся ли мужем и женой? – с замиранием сердца спросил Анания.

Андрей попал в щекотливое положение. Христианство учит, что «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (**«1-е Коринфянам», VII, 32,33**), то есть родственники «заслоняют» бога, и лучше жить без них. Но апостол при всём своём сумасшествии сообразил, что если он сейчас скажет правду, то ему не только не видать дома супругов, но, быть может, даже остатков вина. Поэтому он вовремя сдержался, и, стараясь придать своему хриплому голосу более-менее ласковое звучание, ответил:

- Конечно, ведь вы любите друг друга, а Бог есть любовь!

Супруги несказанно обрадовались словам Андрея, и Анания принес второй кувшин.

- А домик-то придётся продать, - напомнил апостол, блаженно потягивая вино, - но на небесах у вас будет сто таких домов! Да что я говорю! Не домов – дворцов!

Но Сапфиру волновала не небесная недвижимость, а иная проблема. Она уже несколько раз подталкивала локтем мужа, и, наконец, Анания решился поговорить с

чудотворцем.

- Святой апостол, а сможешь ли ты помочь нам... Дело в том, что у нас нет детей, а мы их очень хотим...

От неожиданного предложения Андрей поперхнулся вином. Прокашлявшись, он с интересом осмотрел Сапфиру. Она была действительно прекрасна!

- Ну, это я с удовольствием! Хоть прямо сейчас! – с готовностью отозвался божий человек и потянулся к женщине. Но хозяйка отпрянула от ухажёра и густо покраснела.

- Рабби, ты меня не так понял! – воскликнул Анания. – Дети должны быть от меня!

И плотник рассказал Андрею о той зловещей роли, которую сыграл иудейский пророк Вениамин в их судьбе. Молодой супруг еще не закончил свое повествование, а апостол, чем-то возбужденный и обрадованный, вскочил и закричал:

- Слава Господу нашему Иисусу Христу! Вы отомщены: Вениамин уже почти год жарится в адском пекле!

На этот раз Андрей почти не лгал. Молодой иудео-христианской секте стало тесно в Иерусалиме, и вооруженные денежными ящиками попрошайки ринулись собирать милостыню в соседних с городом селениях. Но однажды двое адептов нового бога вернулись из похода сильно избитыми. Вениамин считал ту территорию своей и грозил смертью всем, кто осмелится конкурировать с ним. Тогда Петр и Андрей отправились «разобраться» с прозорливцем. Они нашли его в какой-то канаве, где пророк отдыхал после обеда.

- Вениамин, как ты смел воспрепятствовать нашим людям собирать Божьи деньги? – спросил Андрей.

Провидец вскочил и, не говоря ни слова, изо всех сил огрел палкой Первозванного по голове. Апостол нелепо взмахнул руками и рухнул на землю. Но Петр не посрамил чести христиан и, сделав молниеносный выпад, вонзил нож между рёбер Вениамина. Пророк захрипел и медленно сполз на дно канавы. Из его рта пошла красная пена, по телу пробежала судорога, и очи прозорливца сомкнулись навеки. Симон встревоженно осмотрелся, но, не заметив свидетелей преступления, облегченно вздохнул, вернул свой нож и принялся приводить брата в чувства.

Конечно, Андрей не стал рассказывать эту историю супругам, так как опасался уголовного преследования. Он просто ограничился констатацией факта: Вениамин мертв (точнее, горит в аду). Но мы не можем не отметить глубоко символический смысл этого события: новое (христианство) побеждает старое (иудаизм). Таким образом, сия «притча» гораздо разумней всех притч Иисуса Христа.

Однако Анания и Сапфира не были злорадными и мстительными людьми, и потому известие о страшных и вечных муках Вениамина их не вдохновило. В душе они даже пожалели полоумного старика.

- Вот, - победоносно произнес Андрей, - так будет со всеми, кто не признает Господа нашего Иисуса Христа и не подчинится Его Святым Апостолам!

- Рабби, но в силах ли ты или Кефас совершить чудо, которое исцелит мою жену? – спросил Анания.

- Конечно. Это нам, апостолам, раз плюнуть.

Читателю может показаться, что Андрей выразился фигурально. Но до образного мышления нашим христианским героям было далеко, и Первозванный дал плотнику вполне конкретный ответ. Вспомним, как пытался лечить Иисус Христос: он либо плевал на человека («Евангелие от Марка», VII, 32-35 и VIII, 22-25), либо смешивал свою слюну с пылью и этой пакостью мазал пациента («Евангелие от Иоанна», IX, 6).

Ответ Андрея вызвал у супругов эйфорию. Словно тяжелая ноша, долгие годы мешавшая жить, наконец-то свалилась с их плеч. Сапфира выразительно взглянула на мужа, беззвучно говоря: «Видишь, милый, мой сон начинает сбываться!» Анания кивнул ей и снова

обратился к чудотворцу:

- Рабби Первозванный, может, сразу и вылечишь?

- Э, нет, - отвечал апостол, - пусть она сначала примет водное крещение. Негоже нам разбрасываться чудесами ради козлиц. – И, высморкавшись прямо на пол, добавил: - Приходите сегодня на богослужение.

Тут плотник вновь вспомнил о цене, которую следует заплатить за лечение жены. Ценою было всё их имущество!

- Хорошо, рабби, мы подумаем, - нерешительно промолвил Анания.

- Думайте, а Господь решит! – отрезал Первозванный, которому уже надоело убеждать этих молодых людей. Второй кувшин был опорожнен, визит завершен, и, еще раз осмотрев дом, Андрей нетвердым шагом отправился в обитель.

Нетрудно предположить, что испытывали наши главные герои. Апостол искушал неумело и грубо, но его предложения оказались заманчивыми для малограмотных, бесхитростных и почти одиноких супругов. Остаток дня и вечер они провели в раздумье. Было нелегко расстаться с привычным, устоявшимся укладом жизни, но новое и неизведанное всегда манит нас. И Анания с Сапфирой наконец-то решились связать свою судьбу с необычной сектой...

Глава седьмая

Когда утром следующего дня супруги явились в обитель, христиане, занятые молитвами и просмотром галлюцинаций, отнеслись к ним с безразличием. Наши героини слегка опешили от такого холодного приема и стали искать Иова с Иеремией. Но тут их окликнула пожилая, низкорослая и чрезвычайно толстая женщина:

- Эй! Это вы Анания и Сапфира?

- Да, - кивнул плотник.

- Я буду вас учить Истине. Так велел Кефас. Называйте меня тетушкой... тьфу... сестрой Юдифью. Пошли.

- А где Иов с Иеремией? – спросила Сапфира.

Мужеподобное лицо Юдифи растянулось в язвительной улыбке:

- Эти грешники сейчас очищаются – молятся в яме на голодный желудок. Кефас ими очень недоволен. Так и подохнут, свиньи, в грехе. Ну ладно, пошли учиться.

Грузная, почти квадратная Юдифь с трудом развернулась и потопала в комнату на первом этаже обители, где она жила с несколькими такими же, как сама, «еллинистскими» вдовицами - еврейками, раньше проживавшими в странах «языческих». Как правило, они были богаче доморощенных евреев и очень гордились этим.

Три «еллинистки» стояли на коленях и молились. Юдифь прошла в угол комнаты, и, держась за невзрачную, всю покрытую трещинами стену, с трудом опустилась на выцветшую циновку. Сестра отдышалась, вытерла рукавом пот и пригласила своих учеников присесть рядом.

- Господь любит вас, и отныне ваши души принадлежат Ему. Со дня на день мы ожидаем Второе пришествие Иисуса Христа; тогда все, кроме нас, праведников, умрут и отправятся в ад. А мы, признавшие Мессию, спасемся и попадем на небеса! – брехала тетушка.

- Сестра Юдифь, какие правила мы должны здесь соблюдать? – спросила Сапфира.

- Прежде всего, вы обязаны беспрекословно подчиняться Кефасу. Велика его

мудрость, а святость еще больше!

Юдифь объяснила своим новым ученикам, что, пока возжеланный для апостолов дом не продан, супруги будут по ночам сторожить его. Но днем они должны учиться и работать в общине.

Так для наших героев началась «новая» жизнь. Анания получил задание изготовить несколько денежных ящичков, а Сапфира отправилась с Юдифью собирать «божьи» деньги.

- Твой муж хороший плотник? – пыхла опытная христианка. – Да? Это хорошо. А то у нас все ящички негодные. Сделаны кое-как: столько щелей, что часто монеты выпадают!.. Ты еще молодая, но это ничего... Научись... Это большое искусство – деньги собирать. Не жди, когда тебе подадут – можешь и не дожидаться. Сама к людям приставай, пугай их Иисусом. И Кефас будет доволен, и другие апостолы... Так-то...

- Где будем собирать? – деловито осведомилась Сапфира, тащившая большой ящик.

- Я обычно работаю у входа на базар.

- Сестра Юдифь, а почему не принимать деньги просто в руку?

- Ха, так нищие поступают. Но мы же не оборванцы, мы Церковь! Ведь важно всё Кефасу отдать, ничего не утаить. Увы, и у нас много нечестивцев, много грешников. Трясут ящик, пока из щелей монеты не посыпятся, и воруют Божьи деньги! А один додумался запасной ящик иметь, туда собирал, а затем монеты помельче отсыпал Кефасу. Сатана! А я честная, на мне благословение Господне!

Сапфира удивленно взглянула на спутницу. Ее поразило, что в таком святом, как она тогда думала, месте – новой, современной для той эпохи секте – процветает грех. Но в этом не было ничего необычного: безумие веры в химеру несовместимо с нравственностью. Многие христианские «святы» (и даже римские папы!) совершали ужасные злодеяния, что, однако, не мешает верующим почитать их. Ведь главное в религии – ее мистическая, а отнюдь не нравственная, составляющая. О морали попы вспомнили лишь тогда, когда ученые разрушили библейскую картину мира, и церквам пришлось срочно менять доминанту своих рекламных кампаний: от угроз, пыток и казней переходить к лепету о духовности и нравственности. Но как бы ни совершенствовались приемы церковной пропаганды, моральный облик прихожан (и, конечно же, священников) остался крайне непривлекательным. И в наши дни верующие, не боясь бога, нередко сыпят в денежные ящички всякий мусор. Неисповедимы последствия психических заболеваний!

«Ох, как трудно уберечься от греха!» - подумала Сапфира и тяжело вздохнула. Изъяны христиан она объяснила кознями Дьявола, который должен был искушать святых с гораздо большей настойчивостью, чем простых смертных. И наивная красавица снова посмотрела на Юдифь, очевидно, пытаясь разглядеть в ней эталон духовности; тетушка почувствовала устремленный на нее пристальный взгляд и спросила:

- Чего тебе?

Сапфира хоть и несколько смутилась от такого неласкового к ней обращения, но всё же взяла себя в руки и решила задать постоянно мучивший ее вопрос:

- Сестра, почему нам с мужем бывает плохо, когда мы слушаем иные языки?

- Это ничего. Пройдет. Мне тоже сначала становилось дурно, а потом привыкла и сама заговорила. А ты владеешь иными языками?

Сапфира отрицательно покачала головой.

- Плохо. Видно, в грехе ты живешь.

Молодая женщина покраснела и попыталась сменить тему разговора:

- А в общине хорошо кормят?

- Не хлебом единым жив человек. Умерщвляя плоть, мы заботимся о своей душе. Не впадай... как тебя...

- Сапфира.

- Да, Сапфира, в грех чревоугодия. Иначе не спасешься!

Наконец, спутницы пришли к месту работы. Жена плотника часто посещала базар, ее знали многие торговцы, и оттого Сапфире сейчас было неловко. Она впервые в жизни просила милостыню...

- Станем здесь, - распорядилась Юдифь. Ее ученица подняла ящик и, держа его на уровне груди, стала ждать. Мимо проходили иудеи, но внимания на главный предмет христианского культа почему-то не обращали.

- Приставай, приставай! Чего стоишь как истукан?! Вон смотри, молодой мужчина подходит, - учила опытная сборщица.

Сапфира зажмурилась и упавшим, каким-то чужим голосом попросила:

- Подайте Христа ради...

Иудей хотел было ответить грубостью, но, увидев ангельски чистое, невинное личико юной женщины, смутился. Он быстро достал монету и, бросив ее в прорезь на крышке ящика, оторопело пробормотал:

- Пожалуйста...

- Спасибо. Бог тебе воздаст сторицей! – поблагодарила иудея Юдифь, и, когда мужчина ушел, добавила:

- Ты его чуть не упустила!

Почти до захода солнца женщины стояли на посту, но собрали лишь четыре мелких монетки. Подавали из рук вон плохо.

- А зачем же такой большой ящик? – удивлялась жена плотника.

- Чем крупнее денежный ларец, тем сильнее он смутит жертву, - поучала христианка. – И тем больше в нем окажется монеток. Ну что ж, на сегодня достаточно. Пошли домой.

А Анания тем временем уже изготовил один ящик. Аккуратно сбитый, изящной формы и с затейливой резьбой, без досадных для апостолов щелей, он больше напоминал принадлежащий вельможе ларец. Этот ящик, как и все другие, был оснащен лакедемонским замком - «жёлудем», изобретенным еще на рубеже 5 - 6 вв. до н. э. И хранящиеся у Петра плоские, с тремя закругленными вырезами ключи должны были гарантировать высокую духовность и нравственность сборщиков денег.

Кефас как раз зачем-то вышел во двор. Увидев толпившихся вокруг Анании единоверцев, апостол неторопливо направился к ним. Христиане расступились, и Петр увидел ларец.

- Добрый ящик, - молвил Симон, - красивый. Так и хочется в него денежку бросить.

Выражение лиц сектантов осталось серьезным.

- А ты, Анания, умелец, - продолжал князь апостолов. – Молодец. А сможешь ли сделать носилки?

- Конечно, рабби. Я иногда получал заказы от богачей.

- Теперь же прими заказ от Духа Святого! – напыжился Петр.

- Хорошо, рабби.

Вот так и стала протекать «христианская» жизнь наших героев. Днем они работали на благо общины (Сапфира собирала милостыню, помогала в трапезной и ухаживала за фиалками, растущими в углу двора обители; эти чудесные цветы любил нюхать Андрей), вечером молились на богослужении и пытались, правда, безуспешно, заговорить на иных языках, а на ночь отправлялись сторожить пока еще свой дом. Продать его никак не удавалось: в маленьком пыльном Иерусалиме было немного людей, способных сделать такую дорогостоящую покупку. Недовольные задержкой апостолы гневались, но Анания старался их умиротворить: за семь дней он изготовил носилки и еще четыре денежных ящика. При этом и плотник, и его жена беспрестанно изучали еще сырое, неоформившееся христианство и готовились к главному, как им тогда казалось, событию в их жизни – крещению. После

этого обряда Петр обещал исцелить Сапфиру от всех ее болезней.

Прошел месяц. Очистившиеся и исхудавшие Иов с Иеремией вернулись в «общество». Вероятно, после ямы жизнь в обители показалась им райской. Однако сектанты с тревогой ожидали того дня, когда Кефас снова вспомнит обо льве. И их опасения не были напрасными: в большой голове князя апостолов роилось немало планов, один безумнее другого.

Однажды после богослужения Петр, еще разгоряченный разговорами на иных языках, отвел Ананию в сторону.

- Ты когда дом продашь?

- Рабби, никак не могу найти покупателя.

- Ищи. Главное – не продешевить. Да, кстати, ты завтра ночью мне понадобится.

- Зачем, рабби?

Апостол величественно (как ему показалось) промолчал. И по сей день у некоторых руководителей есть такая дурацкая привычка. Но Ананию безмолвие Петра явно не устроило.

- А как Сапфира будет одна возвращаться домой?

- Я направлю с нею Юдифь, - после небольшого раздумья ответил Кефас.

Анания пожал плечами и вернулся к жене.

Ровно через сутки во дворе обители собрались пятеро: Петр, Анания, Иов, Иеремия и Есром – молодой debil, один из телохранителей князя апостолов. Уже стемнело; на черном небе сверкали звезды, своей красотой и величием прославляя жизнь и пылкий человеческий разум, сумевший разгадать их тайну. Стояла тишина, лишь легкий ветерок играл с кронами немногочисленных иерусалимских деревьев, издавая едва слышные нежные звуки. Было довольно прохладно, и христиане подпрыгивали, пытаясь согреться.

- Братья, - обратился к присутствующим Петр, - сегодня нам предстоит уладить одно дельце. Мы отправляемся в зверинец, где я хочу побеседовать со львом. Не бойтесь, трусы, я сам всё устрою.

- Рабби, а зачем тебе лев? – удивился Анания.

- Мало, очень мало у нас сторонников, - сокрушался святой апостол. – Станут нашу Церковь разгонять – как защитимся? А лев поможет, мне видение было...

В это время во двор по малой нужде вышел Андрей и изумленно уставился на куда-то собравшихся единоверцев. Петр настолько зазнался, что даже не удосужился согласовать свою затею с братом, тоже, кстати, святым апостолом. Теперь же Кефас неохотно объяснил ему свой план и затем спросил:

- А ты не хочешь пойти с нами?

Полная луна мягко лила слабый янтарный свет, и нелегко было что-либо рассмотреть во дворе обители; но и при столь незначительном освещении христиане увидели, как побледнел Андрей.

- Н-н-не могу. У меня впереди важная молитва, - оправдывался он.

Петр презрительно посмотрел на брата, негромко выругался и пошел к носилкам.

- Рабби, - обратился Анания к князю апостолов, - а это правда, что Андрей Первозванный?

- Чего?! – оторопел Кефас и остановился. – Это он так рассказывает? – Симон оглянулся, гневно зыркнув на Андрея, занимавшегося у стены своим делом. – Эка наглость! Нет, Анания, мы оба Первозванные.

Петр осторожно залез в носилки, поворочался, устраиваясь удобнее, и задернул шторку. Товия отворил калитку, а четверо христиан привели в действие античное транспортное средство. Носилки мерно покачивались, убаюкивая Петра; он полулежал на мягких, сшитых сестрами во Христе подушках. Вопрос Анании вызвал в душе князя апостолов целую бурю эмоций. Более всего на свете Симон Камень дорожил своим верховенством в секте. Теперь же его родной брат стал выдумывать разные небылицы,

возвеличивая себя и тем самым подрывая авторитет Кефаса. «Ну, трепло, я тебе язык прищемлю», - злился Петр. Однако сейчас он шел, вернее, ехал, на дело, и необходимо было сохранять хладнокровие. И, чтобы успокоиться, апостол вспомнил тот день, когда он впервые встретился с Иисусом Христом...

...Над Генисаретским озером еще не наступил рассвет, а два брата, Симон и Андрей, уже вышли на его каменистый берег. Густой туман стелился над мутно-синими волнами, и только их плеск нарушал предутреннюю дремотную тишину. Воздух был свежий, сырой, чуть с холодинкой, но мужчины дышали тяжело, с опаской оглядывались и тревожно прислушивались к размеренному шуму водной стихии. Гальку сменил мокрый песок; ноги вязли в нем, и идти стало труднее. Наконец, будущие апостолы приблизились к лодке. Симон, принесший весла, вставил их в уключины, а Андрей ножом перерезал веревку, соединявшую суденышко с врытым в берег столбиком, и глухо выдохнул:

- Гребите...

Благодаря энергичным усилиям Симона лодка легко заскользила к песчаной отмели. Вечером братья видели, как рыбаки ставили недалеко от нее свои сети. Андрей судорожно сжимал в руках припасенный для рыбы большой мешок и подгонял подельника. Симон огрызался, но грёб без устали; вскоре, однако, его движения замедлились и, тяжело дыша, он шепнул:

- Кажется, здесь.

Они стали «снимать» сети. Первая была пуста, во второй бились две мелкие рыбёшки.

- Так... - упавшим голосом прохрипел будущий Петр, - снова нечем будет опохмелиться...

- Бери сети, - велел Андрей. – Продадим их на рынке.

В мешок быстро затолкали рыболовные снасти, туда же Симон кинул несчастных рыбок, удовлетворенно пробурчав:

- Сегодня не только листиками закусим...

Теперь за весла сел Андрей, и братья пустились в обратный путь. Стало светать, туман постепенно рассеивался. Скоро должны были появиться рыбаки, и это беспокоило ночных воришек, которых не раз били веслами по головам.

Когда до суши оставалось лишь несколько двойных шагов (античная мера длины; 1 двойной шаг – 1,48 м.) и жулики уже решили, что всё для них окончилось благополучно, на берегу внезапно показался человек. Симон и Андрей от испуга чуть не вывалились из лодки. Однако незнакомец не обращал внимания на братьев, а только что-то бурчал себе под нос и плавно жестикулировал. На его безбородом (тип бородатого Христа появился только в конце 3 в., а окончательно утвердился лишь в 8-9 вв.) некрасивом лице застыла характерная для многих верующих людей слащавая улыбка. На вид ему было лет тридцать; его когда-то белый хитон теперь представлял собой печальное зрелище: грязный, потертый, весь в заплатках, грубо пришитых чьей-то неумелой рукой. Усилившийся ветер развевал длинные волосы ночного странника и мешал ему идти, но этот похожий на привидение человек продолжал упрямо брести по берегу. Он был не обут и, наступив на что-то острое, вскрикнул. Боль, казалось, вернула его к реальности: скиталец заметил притаившихся братьев, быстро вошел в воду и залез в лодку, усевшись на ее устланное присохшей чешуей дно.

- Кто ты? – нерешительно спросил Симон, пытаясь понять, им ли с Андреем надо опасаться незнакомца или же он должен бояться их.

- Я? Я есть царь иудейский!

В глазах у Симона потемнело, молнией сверкнула мысль: «Попались!»! Ему почудились многохвостые плети с зашитыми в них кусочками свинца, раскаленные металлические стержни, дробящие кости зажимы... Он уже видел, как палач беспощадно терзает его плоть, а обступившие место пытки рыбаки со смехом наблюдают за муками

своего врага, который не раз оставлял голодными их семьи.

Но властелин Иудеи был настроен миролюбиво и, скорее всего, не собирался наказывать своих подданных. Его мысли витали где-то далеко; он часто смотрел на небо и беззвучно шевелил губами. Совсем было отчаявшийся Симон немного успокоился и попытался обмануть царя.

- А мы здесь рыбачим помаленьку, - с глупой улыбкой произнес ворюга.

Человек в хитоне оживился, в его глазах вспыхнул хищный огонек:

- Дайте поесть!

- Ничего нет, - быстро ответил Андрей.

Незнакомец разочарованно хмыкнул носом и, стараясь побороть искушение, несколько раз глубоко вздохнул. А будущий князь апостолов тем временем внимательно осматривал берег, выглядывая царскую свиту. Но кругом было пусто. «Наверное, Его Величество путешествует инкогнито», - решил воришка.

- Ну, мы пошли, - сказал Андрей и встал со своего места.

- Сидите и внимайте словам Моим, - промолвил странник. – Говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма (**«Евангелие от Матфея», XII, 6**). Если же придете в какой город, и не примут вас, то, вышедши на улицу, скажите: «И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако же знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие». Сказываю вам, что Содому в день оный будет отраднее, нежели городу тому. Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретнице и пепле, покаялись. Но и Тиру, и Сидону отраднее будет на суде, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься. Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергает; а отвергающий Меня отвергается Пославшим Меня (**«Евангелие от Луки», X, 10-16 – с исправлением грамматических ошибок Библии**).

- Кто же послал тебя? – заинтересовался Симон.

Незнакомец многозначительно указал пальцем на небо.

- Огонь пришел Я низвесть на землю, - продолжал он, - и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей (**«Евангелие от Луки», XII, 49-53 – с исправлением пунктуационных ошибок Библии**).

- Но сможет ли кто спастись? – испугался Симон.

- Человекам это невозможно, Богу же всё возможно, - молвил царь иудейский. – Но если вы оставите всё и последуете за Мною, то когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы судить колена Израилевы (**ср. «Евангелие от Матфея», XIX, 26, 28**).

Какая прекрасная перспектива – уголовнику стать судьей! Но Симон уже начал понимать, что перед ним какой-то странный царь, однако никак не мог уразуметь, в чем же подвох.

- Как нам обращаться к тебе? – спросил он у знакомого.

- Называйте Меня Сыном Бога Живого, Царем Иудейским, Сыном Человеческим, Христом Божьим. Но смотрите, никому не говорите, кто Я такой! (**ср. «Евангелие от Луки», IX, 21**). Когда мы не одни, именуите Меня просто Учителем, - скромно молвил скиталец.

Удушливо пахло перегаром. Это Андрей склонился к уху брата и зашептал:

- Он сумасшедший. Но не перечь ему.

И, заметив в красноватых глазках Симона немой вопрос, добавил:

- Мы будем его использовать.

Глава восьмая

Внезапно воспоминания Петра прервались: из-за угла вынырнул ночной дозор. Стражников было трое; под их яркими плащами виднелись покрытые металлическими пластинами кожаные панцири. Двое римлян несли факелы, и в их свете сумрачно блестели шлемы воинов. Кожаные солдатские сапоги на взгляд нашего современника смотрелись необычно: пальцы они оставляли открытыми. На перевезях висели короткие мечи в ножнах. Однако, несмотря на величественную античную амуницию, эти римляне выглядели чмошненько: и Публий, начальник дозора, человек с грубым и пакостливым выражением лица, и оба его подчиненных, имена коих история не сохранила. Лучшие воины служили в армии, а этих отправляли для охраны общественного порядка.

Христиане в растерянности остановились и неаккуратно опустили свою ношу на землю. Петра сотрясло, он больно ударил локоть.

- Что вы здесь делаете? – спросил Публий, пристально разглядывая участников ночного шествия.

- Наш вельможа захотел прогуляться, и мы несем его, - ответил Анания.

«Странный у них господин, - подумал римлянин. – Набрал челядь из евреев. Неужели не мог купить рабов получше?»

Князь апостолов отодвинул шторку и высунулся наружу, намереваясь узнать, почему «стоим».

- Разрази меня Юпитер! – вскричал начальник дозора и отступил на два шага. – Ну и страшный же у вас вельможа!

- На его святом лике печать благословения Божьего! – молвил молодой debil Есром (эту мудрёную фразу Симон уже несколько месяцев вдалбливал в его голову, и, как видим, успешно).

- Да, хорошо ваш бог его припечатал! – засмеялся начальник патруля, и, верный природе сотрудинок правоохранительных органов всех времен и народов, добавил: - Дайте денег, а не то отведу вас всех в участок.

- Бедные мы, - ответил, вылезая из носилок, апостол. – Сами милостыню просим.

Но так как «вельможа» ехал в дорогих носилках, слова Петра вызвали у стражников недоверие. Публий предположил, что этот странный господин, напившись вина и пресытившись ласками жены и рабынь, на ночь глядя решил развлечься с блудницами. Следовательно, он обязательно должен был иметь наличность. Откуда стражники могли знать, что Кефас ехал не к женщинам, а по дурацкому делу?!

Античные милиционеры с большим рвением обыскали и господина, и слуг, и носилки, но вместо желанных монет нашли лишь несколько кусочков папируса. Начальник дозора развернул один из них и при свете факела, услужливо поднесенного подчиненным, прочел:

- Пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи (**2-е Петра, II, 22**).

Римляне засмеялись.

- А ты писатель, - обращаясь к Симону, сказал Публий, - правда, несколько грубоватый. Так у тебя точно нет денег?

- Не тленным серебром или златом искуплены мы от суетной жизни, преданной нам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого агнца (**ср. 1-е Петра, I, 18,19**), - ответил апостол.

- Что-то ты странное говоришь, - молвил римлянин, - и о предках неуважительное. Обыщите их еще раз!

Но и снова, всё перерыв и даже проверив рты и другие отверстия задержанных, стражники не нашли ничего ценного.

- Ладно, если денег нет, то я удовольствуюсь носилками, - вкрадчиво молвил Публий и уставился на Петра, желая видеть его реакцию. Начальник дозора при всей своей показной наглости и самоуверенности был труслив и всегда боялся ограбить не того, кого можно. Вдруг у этого вельможи большие связи!

Выслушав разбойничью речь служителя закона, апостол остолбенел и тихо застонал, от бессилия крепко сжимая кулаки. «Перебить их, что ли? – размышлял он. – Нет, у них мечи, а мы безоружны... Проклятые захватчики...» От скорби и просто по привычке Петр впал в транс и пробурчал несколько слов на «ином» языке.

- А, так ты ругаться вздумал! – закричал Публий и так приложился к груди апостола, что тот влетел обратно в носилки. – Ребята, вытряхните его оттуда, берите вещественное доказательство и за мной!

Стражники, повинувшись приказу, освободили носилки и понесли их за Публием.

- Мы в участок? – спросил один из подчиненных.

- Нет, отнесем ко мне домой.

- Но постой, Публий, деньги мы всегда делили, а носилки ты хочешь сам захватить!

- А как я их разделю?

- Отдай наши доли деньгами, - вступил в спор другой стражник.

Начальник дозора обернулся и сделал неприличный жест. Тогда бойцы бросили трофей и стали угрожающе приближаться к Публию...

Христиане наблюдали за этой сценой.

- Развонялись легавые, - зло усмехнулся опытный в таких делах Петр. И действительно, этим качеством правоохранительные органы антагонистических обществ весьма напоминают органы половые. А чтобы избежать разложения, и то, и другое надо почаще мыть и «чистить». Мы, жители XXI века, гигиене, кажется, научились. Но в другом, не менее важном направлении – охране общества от его же охранников – продвинулись слабо.

Наконец, стражники пришли к компромиссу (Публий пообещал напоить своих подчиненных дешевым вином), и римляне скрылись из виду. Дождавшись этого, апостол стал посылать им вслед страшные проклятия. Правда, он честил всех жителей Апеннинского полуострова, тех, кто и не ведал, какая беда стряслась этой ночью с Петром. Будь Симон умней и справедливей, он бы обозлился не на всех римлян, а только на правоохранительных.

Вскоре князь апостолов объявил, что Иисус Христос запретил ему брать льва на воспитание. Действительно ли у Кефаса была такая галлюцинация или же он солгал, испугавшись трудностей? Сложно сказать...

Так бесславно завершилась львиная эпопея.

Утром Петра ждал другой неприятный сюрприз: в обители взбунтовались еллинистские вдовицы («Деяния святых апостолов», VI, 1). При вступлении в секту они внесли в казну немалые суммы, но их паек не был лучше, чем жратва «голи перекастной». Однако еврейки из стран «языческих» терпели эту несправедливость. Терпели, пока не появился Стефан.

Рацион питания древних иудеев и, следовательно, первых христиан был очень скуден. И не только потому, что земледелие и скотоводство в этом варварском крае находилось на примитивном, по сравнению с Римом, Грецией или Египтом, уровне; в ещё большей степени к голоду приводили безумные религиозные запреты.

Иногда можно услышать мнение: иудеи не едят свиней потому, что последние любят

валяться в грязи и неразборчивы в пище. Но тогда почему представители «богоизбранного» народа не вкушают гораздо более чистоплотных зайцев? А всё дело в том, что меню евреев регулируют совершенно иррациональные законы, изложенные в 11-й главе ветхозаветной книги «Левит» (части Библии): «Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жуёт жвачку, ешьте; только сих не ешьте: <...> зайца, потому что он жуёт жвачку, но копыта у него не раздвоены; нечист он для вас. И свињи, потому что копыта у ней раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жуёт жвачки; нечиста она для вас...» Но что же можно есть? «Из всех пресмыкающихся, крылатых, ходящих на четырёх ногах, тех только ешьте, у которых есть голени выше ног, чтобы скакать ими по земле. Сих ешьте из них: саранчу с её породю, солам с её породю, харгол с её породю, и хагаб с её породю».

Вот какими деликатесами питались жители Иудеи, в том числе и христиане! Когда тучи пустынной саранчи налетали на Иерусалим и с жадностью набрасывались на растения, горожане выходили на охоту. Смешно размахивая руками, подпрыгивая или падая наземь, евреи ловили отчаянно стрекочущих жёлтых, с тёмными пятнышками насекомых, душили их и бросали за пазуху. А потом в частных кухнях и в общественных, как у христиан, трапезных можно было услышать громкий хруст разжёвываемой саранчи и довольное урчание утолявших голод евреев.

Стефан недавно стал христианином. Это был буйный, абсолютно неуправляемый муж с чертами лица топорной работы (то есть природа-мать при изготовлении его физиономии не сочла нужным использовать более тонкие инструменты). Пышная шевелюра Стефана, отчасти скрывавшая его большие уши, всегда была взъерошена, а в выпуклых глазах сверкало бешенство, которое христиане ошибочно принимали за религиозное рвение. Он болел манией величия и потому хотел стать главой секты. А для начала Стефан решил взять под свой контроль кухню. Уже несколько дней он усиленно подстрекал к бунту еллинистских вдовиц, однако те пока не решались на открытое выступление против апостолов. Но в то утро чаша их терпения переполнилась...

Христианская трапезная была невелика, и сектантам приходилось посещать её в три смены. Сейчас пришли позавтракать вдовицы из «языческих» стран, Анания и Стефан с несколькими своими дружками. Помогавшая на кухне Сапфира носила и расставляла еду по кривым, неумело сколоченным столам. На этот раз христиане получили по миске какой-то совершенно несъедобной похлёбки и по одной саранче.

- Ну хватит! Надоело! – не выдержала вдовица Диана, попробовав первое блюдо. – Как такую гадость можно есть?!

Стефан только этого и ждал. Он молниеносно вскочил с лавки и закричал:

- А сколько вы Симону своих денег отдали? А зачем? Для того, чтобы питаться мерзостью?

- Не гневите Бога, гордецы и чревоугодники! – возмутилась сестра Юдифь. – Ишь, уже до Святого Кефаса добрались!

- А что ж твой Кефас сам в грехах погряз? – продолжал полемику Стефан. – Он козлятинку вкусную ест, а пьёт столько, что весь дорогим вином пропитался! На чьи же деньги закупают для апостолов все эти деликатесы? На ваши, о вдовицы! А нас, подлец, саранчей кормит!

- Правильно! – согласились почти все еллинистки. – Пусть сам её жрёт!

Юдифь, оставшись в меньшинстве, сосредоточенно обгрызала и обсасывала лапки насекомого.

- Нельзя это так оставлять! – кричал Стефан. – Пора действовать!

- А как? – послышалось со всех сторон.

- Мы сами, а не апостолы, должны контролировать деньги, идущие на закупку

провианта!

Анания и Сапфира хоть и не решились высказать своё мнение, но сочувствовали вдовицам. Они замечали, что верхушке секты живётся гораздо лучше, чем рядовым христианам. Правда, вечно пьяные апостолы, как правило, не ели, а только закусывали. Но закусывали хорошо. И пили тоже.

Когда бунт ещё лишь разгорался, мимо трапезной проходил Есром. Услышав необычные речи, он вздрогнул и прильнул ухом к закрытой двери. Петра ругали всё громче и смелее, и его побледневший телохранитель побежал в опочивальню князя апостолов. Молодой debil хоть и сбивчиво, но всё же довольно точно рассказал Симону о том, что творится в трапезной. Но Камень не поверил ему.

- Ты что, Есром, совсем рехнулся? Какой бунт?! Восстание против Бога?! Ступай прочь, не мешай мне.

- Рабби, я правду говорю! Клянусь!

- Дурак, нельзя клясться. Иешуа запретил.

- Но что же мне сделать, дабы ты поверил?!

Пётр внимательней взглянул на трясущегося от страха Есрома, вдруг изменился в лице и выскочил из опочивальни. Дебил отправился за ним.

Когда они вбежали в трапезную, то увидели такую картину. Все столы и лавки были перевёрнуты, а миски валялись на полу; раскрасневшиеся люди внимательно слушали забравшегося на сундук Стефана, который отчаянно бранил Кефаса, и поддакивали оратору.

- Что здесь происходит? – завопил Пётр, пытаясь перекричать бунтовщика.

- А то, проклятый, что сам ты жрёшь в три горла, а бедных вдовиц всяким дерьмом потчуешь! – ответил Стефан.

- Ты как со мной разговариваешь?! – обомлел апостол. – И что вы все себе позволяете? Всякую дозволенную Законом пищу нам даёт Бог, и великий грех ругать её! Не видать вам Царствия Небесного!

Сектанты немного притихли. Симон воспользовался этим и, стараясь ещё сильнее охладить пыл восставших, начал проповедь:

- Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своём. Которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (**«Евангелие от Матфея», XIII, 31,32; «Евангелие от Марка», IV, 30-32 и «Евангелие от Луки», XIII, 18,19**).

Пока Пётр медленно и внушительно втолковывал эту притчу слушателям, вдовица Диана сбегала на кухню и вернулась с горчичным кустиком. Тыча растением в лицо апостола, женщина приговаривала:

- Посмотри, Симон, на своё дерево.

- Какие ж там птицы укроются?! – захохотал Стефан. Засмеялись и другие сектанты.

- Но так Иисус говорил, - оправдывался Кефас. Внезапно его «осенило», и задрожавшим голосом он промолвил Диане: - Да ты ведьма!..

- А ты Сатана! – отрезал Стефан. – Так сам Христос сказал! (**«Евангелие от Матфея», XVI, 23**).

Теологический удар был настолько силен, что Пётр пошатнулся, но Есром вовремя его поддержал. Ситуация выходила из-под контроля, но будущий римский папа ничего не мог поделать. Кефас знал, что, пока он пытался добыть для церкви льва, остальные апостолы пили всю ночь напролёт и теперь спали, как мёртвые. А у Стефана были наготове шесть дружков, и они не скрывали от Симона своих агрессивных намерений. Конечно, Пётр мог попытаться выиграть время и дожидаться, пока проспится его армия. Но он понимал, что убить так много врагов без уголовных последствий не удастся. Апостолы, даже победив в

поножовщине, могли разделить судьбу Иисуса Христа. Если же руководство церкви не уничтожит бунтовщиков или не выполнит их требований, то вдовицы наверняка прибегнут к помощи властей и заберут свои вклады, тем самым совершенно опустошив казну секты. Поэтому нужно было договариваться, и как можно скорее, ибо сторонник Стефана Николай Антиохиец всё настойчивее лез к главе общины, пытаясь схватить его за нижнюю губу (которая, как мы помним, безжизненно свисала и потому была особенно удобна для захвата). В очередной раз увернувшись от Николая, Пётр лицемерно молвил:

- Внушил мне Господь, что вы правы, возлюбленные мои братья и сестры. Надо бы вас получше кормить. Но нехорошо нам, Святым Апостолам, оставивши слово Божие, пещись о столах. Посему, любезные мои единоверцы, выберите из своей среды семерых достойных, исполненных Святого Духа и мудрости. Их и поставим на сию службу, а мы, Апостолы, постоянно пребудем в молитве и служении Отцу нашему Небесному (ср. «Деяния Святых Апостолов», VI, 2-4).

- Отцу Кувшинию вы служите, - съязвил Стефан, но вдовицы, добившись от главы секты уступок, больше не желали с ним конфликтовать и успокоили вождя восстания. Женщины проголосовали и избрали «пещись о столах» Стефана и его дружков: Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая Антиохийца, обращенного из язычников («Деяния Святых Апостолов», VI, 5).

В результате этого переворота питание рядовых христиан немного улучшилось. Новые начальники кухни не были, в отличие от апостолов, приклатненными уголовниками и потому оказались справедливее: они меньше воровали. Ну, а Петру удалось удержать в своих руках самое ценное – казну.

Дальнейшая судьба Стефана трагична. Слишком буйный и неразумный, он всюду болтал много лишнего, и иудеи побили его камнями («Деяния Святых Апостолов», VII, 58-60). Стефан официально считается первым христианским мучеником.

Глава девятая

Из любопытства досмотрев до конца безобразный спектакль в трапезной, Анания и Сапфира вышли во двор обители. Ярко светило солнце, потому они присели на большие камни, лежавшие в тени.

- Да, дела... - только и мог вымолвить Анания.

- Ничего, - ответила Сапфира, - теперь, скорее всего, станут сытнее кормить. А где твои носилки?

Муж кратко рассказал о ночном приключении.

- Может, так и лучше, - глубоко вздохнула женщина. – Что, если бы вас арестовали в зверинце? Или на тебя напал лев? Я бы не вынесла...

Анания молча обнял её.

- Смотри, - прошептала красавица, - и Кефас вышел свежим воздухом подышать. Давай отпросимся у него на сегодня? Ты ведь и ночью работал.

- Да, что-то домой захотелось... - согласился плотник и направился к главе общины.

Всего лишь в течение нескольких часов на Петра обрушились три несчастья: он потерял носилки, лишился контроля над кухней и расстался с заветной мечтой о льве-помощнике. Сейчас Симон необычайно горевал и поэтому только с третьей попытки смог понять, что говорит ему Анания. Апостол не стал вредничать и безразлично махнул рукой. Обрадованные супруги стрелой проскочили мимо Товии.

- Не успела тебе сказать. Когда мы с Юдифью вчера вечером были дома, приходил

Аарон, сын Иезекииля.

- Зачем?

- Осматривал нашу усадьбу. Говорит, что отец хочет её приобрести.

Наконец-то нашёлся покупатель! Но Анания стало грустно, к горлу подступил комок. Он расстался с домом, в котором провёл всю свою жизнь, где научился работать и познал радость любви. И вот скоро этого родного места не станет... Сходное чувство испытывала Сапфира. Она, как и муж, ничего не сказала, но на её глазах выступили слёзы. Супруги теряли своё уютное гнёздышко, в которое было вложено столько труда! И сейчас, после нескольких недель жизни в общине, перед ними во всей «красе» стало вырисовываться то, что они приобретали взамен. Анания и Сапфира видели, но на своё горе не осознали в полной мере лицемерие сектантов, их ненависть друг к другу и особенно к иноверцам, абсолютную никчёмность христиан как членов общества, ненужность их молитв, постов и прочей ахинеи. Все нарушения верующими моральных норм наши главные герои принимали за нетипичные случаи и не замечали здесь системы.

- А Аарон назвал цену? – спросил Анания.

- Нет.

- Давай зайдём к ним, может, сразу и договоримся.

- Хорошо.

Но не успели супруги пройти и несколько шагов, как увидели, что навстречу им, пошатываясь, бредёт Енея.

- Анания, привет! Захария наконец-то уплатил, - закричал пьяный плотник.

- Приятный сюрприз, - улыбнулась Сапфира. – Я уже на это и не рассчитывала.

- Пошли к Захарии, - решил её муж, - надо получить наши деньги. А то он опять их в товары вложит.

Особняк купца был раз в двадцать больше дома супругов. Анания оставил жену у ворот и вошёл во двор. Слуга провёл его в просторную комнату, и плотник стоя стал ждать хозяина. Наконец, отворилась дверь и вползло существо, похожее на старую, сморщенную и облезлую обезьяну.

- Приветствую тебя, господин Захария!

- А, Анания, здравствуй. Чего пришёл?

- Как новый дом? Сын уже вселился?

- Нет. Пока я внутри обустроиваю.

- Енея сказал, что ты выдаёшь жалование.

Захария поморщился и тяжело вздохнул:

- Мы за два денария договаривались?

- Что ты, хозяин! За пять!

Купец поморщился ещё сильнее.

- Анания, возьми плату товарами.

- Господин, мне сейчас нужны деньги.

С большим трудом, после долгих препирательств, плотник получил четыре денария и отправился с женой к Иезекиилю. Дом ростовщика не был таким просторным, как у Захарии, ибо финансовый воротила вёл весьма экономный образ жизни. Сапфира опять осталась ждать мужа у ворот.

Богач знал, зачем супруги продают своё имущество, и решил его приобрести, чтобы потом реализовать усадьбу по более высокой цене. Его не пугало то обстоятельство, что Анания и Сапфира уже более месяца не могли найти покупателя. Он считал себя очень умным и поэтому был уверен в успехе спекуляции. Ростовщик не решился принять посетителя в своём особняке, ибо боялся, что христианин, подобно апостолу Андрею, осквернит его жилище, и вышел для переговоров во двор. Впрочем, глагол «вышел» не

вполне точно передаёт телодвижения Иезекииля. Заинтересованный в сделке финансовый воротила резво спустился по лестнице, но перед входной дверью остановился, и, отдышавшись, степенно подошёл к стоявшему в нерешительности плотнику.

Иезекииль был пузатым коротышкой лет сорока пяти; на его голове блестела большая лысина, а на затылке и висках росли еще не седые, по-еврейски иссиня-черные волосы. Как и почти все жители Иудеи, он, когда думал, говорил или ел, забавно кривил рот. Этот недостаток не могли скрыть даже усы и борода, впрочем, довольно жидкие. Но ресницы у ростовщика были пышными, а брови густыми. В последних нередко белела перхоть и попадались паразиты.

Делец родился в бедной семье и своим богатством был обязан случаю. С детства он прислуживал одному купцу, получая за работу и сопровождавшие ее побои только скудное пропитание. Однажды хозяин написал письмо своему тирскому партнеру и отправил юношу отвезти послание. Иезекииль выполнил задание, взял ответ и, довольный тем, что возвращается домой, неторопливо ехал на ослике вдоль морского побережья. Уже приближался полдень, но погода стояла пасмурная и ветреная. Прошлой ночью бушевала сильная буря, и по сей час солнце застилала грозные облака.

Вскоре Иезекииля догнал ехавший на муле молодой человек. Ребята разговорились; оказалось, что юношу звали Авиудом, он жил в Вифлееме, а в Тире тоже был по торговым делам. Ругая холод и сырость да споря о том, чей хозяин богаче, спутники коротали время. Вдруг их взорам предстала страшная картина. Ночью о прибрежную скалу разбилось небольшое торговое судно, но морская пучина отвергла свою добычу: волны выбросили на берег трупы, корабельные доски, товары.

- О, да здесь можно пожить! – обрадовался Иезекииль, и, спрыгнув с ослика, стал бегать по каменистому берегу в поисках «добра». Его примеру последовал Авиуд. Однако что было толку от разбившихся амфор с вином и оливковым маслом, лопнувших сосудов с благовониями, разорванных ураганом ветром тончайших тканей? Предприимчивые юноши уже отчаялись, как вдруг один из потерпевших кораблекрушение очнулся, с трудом поднял окровавленную голову и по-гречески попросил помочь ему. Авиуд приподнял обессиленного купца, видимо, владельца судна, и у того из висевшего на поясе денежного мешочка посыпались золотые денарии (в то время монета весила 7,4 г.; ее стоимость равнялась 25 обычным денариям). Это обстоятельство решило судьбу несчастного. Юноши переглянулись и поняли друг друга без слов. Иезекииль схватил большой камень и буквально размозжил голову торговца, а затем собрал драгоценные монеты и вместе с Авиудом обыскал другие трупы. Увы, больше денег им найти не удалось. Но и так улов был значительным: каждому досталось по 30 золотых денариев.

Ребята заботливо спрятали монеты в своем скудном скарбе и продолжили путь. Постепенно погода улучшилась: солнце выглянуло из-за туч и согрело продрогших преступников. Заметив небольшой грот, они решили отдохнуть и перекусить. После трапезы Авиуд уснул и громко захрапел, а Иезекииль смотрел на спутника и изо всех сил старался побороть искушение. Он уже разбогател, но его так называемая «душа» желала большего. Тяжело вздохнув, будущий делец встал и пошел искать исконное еврейское оружие – увесистый камень...

Вернувшись в Иерусалим, хитрый юноша крайне осторожно обнаруживал свое богатство. Все были уверены, что успех пришел к нему благодаря удачным ростовщическим операциям, и никто так и не узнал о двойном убийстве. Больше «мокрыми» делами Иезекииль не занимался, поэтому его считали очень честным и добропорядочным предпринимателем.

Такой, с позволения сказать, человек сейчас стоял напротив плотника и, предчувствуя выгодную сделку, кривил рот и потирал руки.

- Здравствуй, Анания! Что, домишко решил продать?
- Приветствую тебя, господин Иезекииль! Да, мне сейчас нужны деньги.
- Аарон смотрел твою усадьбу и оценил её в 250 серебряных денариев. Если ты согласен с такой ценой, я куплю это домовладение.
- Подожди минутку, - попросил Анания и, выйдя к Сапфире, сообщил ей условия ростовщика.
- 250 ? – удивилась красавица. – Да наш дом стоит все 350 !
- Присевший за калиткой Иезекииль подслушал её слова и, не выдержав, выскочил на улицу.
- Откуда такие цены? Что ж вы другому за 350 не продали?
- Разве мы не имеем права торговаться? – немного раздраженно промолвил Анания. – Господин, накинь хотя бы 50 денариев.
- Не могу, - сокрушался делец. – Сейчас всё дорожает, а недвижимость дешевет.
- Кому, кроме нас, нужен дом в жарком и грязном Иерусалиме? Соглашайтесь.
- Ища поддержки, плотник взглянул на жену.
- Но будет ли этой суммой доволен Кефас? – встревожилась Сапфира.
- А что мы можем поделаться? – пожал плечами её муж. – Если больше не дают?!
- Супруги волновались; сильное внутреннее напряжение чувствовалось во всех их словах и жестах. Иезекииль тоже тревожился, боясь упустить выгоду. Он семенял вокруг продавцов и с неподдельным интересом заглядывал им в глаза, так пытаясь разведать настроение своих собеседников. Наконец, Сапфира едва заметно кивнула Анании и отвернулась, скрывая слезы.
- Хорошо, - согласился плотник, - я уступлю тебе дом за 250 денариев. Мы должны 10?
- Да, - кивнул Иезекииль, - 6 денариев занимали на похороны Руфи, и 4 – проценты. Я вам дам 240.
- Когда?
- Ну, чтобы собрать такую огромную сумму, мне понадобится несколько дней, - по привычке прибежался ростовщик.
- На следующее утро Анания и Сапфира вернулись в общину в скверном настроении: перед ними уже реально замаячила перспектива жизни в этом муравейнике. Но их обрадовал, встретив во дворе обители, святой апостол Андрей:
- Сегодня я вас окрещу. Готовьтесь!
- Супруги замерли, почувствовав всю важность момента и, видимо, подумав: «Наконец-то свершилось!» Они считали этот обряд очень нужным, даже судьбоносным.
- А Кефас будет присутствовать? – спросила Сапфира.
- Нет, он захворал и не встает с постели. Но ты что, во мне сомневаешься? Да я лучше Симона всех вас окрещу!
- Мы глубоко чтим твою апостольскую власть, - успокоили супруги Первозванного.
- То-то же, - удовлетворенно пробурчал Андрей и распорядился: - Найдите Ровоама и все втроем спускайтесь в подземелье.
- Ровоам был маленьким согбенным старичком. Он имел жену, четверых женатых сыновей, семерых внуков и внучек. Дедушка и в молодости не отличался умом, а на склоне лет совсем помешался и недавно связался с христианами. В жизни ему часто приходилось несладко, и теперь он надеялся разобраться со своими обидчиками на Страшном суде. Петр, естественно, требовал с Ровоама денег, но большая и бедная дедушкина семья не могла, да и не хотела выделить долю своего главы. Родные просили Ровоама вернуться, но старичок проклял их и, сочиня всякие небылицы, ославил перед соседями. Сейчас выбиванием дедушкиной части имущества занимались Матфей с Иоанном.
- Супружеская чета нашла Ровоама в его комнате. Дед ещё спал и нёс какой-то бред.

Анания помог ему одеться и потащил на крещение.

В подземелье на торжественную церемонию пришли Иов, Иеремия, Юдифь, Есром, Диана и ещё несколько христиан. Они стояли, если можно так сказать, в зале, а на возвышении сидел Андрей. Апостол велел Анании, Сапфире и Ровоаму стать рядом с ним, а сам поднялся со скамьи и обратился к единоверцам:

- Сегодня у нас знаменательный день. В нашу великую, единственно истинную Церковь вливаются новые силы – два брата и сестра. Помолимся же о том, чтобы они своей верой приблизили Второе пришествие и Страшный суд!

Сапфира поморщилась, предположив, что молитва будет на иных языках, но в этот раз Андрей предпочёл поговорить с мифическим существом по-арамейски. Он опустился на колени; его примеру последовали все присутствующие.

- Отец наш Небесный! – хрипло промолвил уже опохмелившийся апостол, и христиане послушно повторяли за ним. – Помоги Ровоаму, Анании и Сапфире обрести истинную веру, чтобы они стали хорошими помощниками апостолам в борьбе с козлицами. А сам приходи побыстрее. Пожалуйста!

Молитва завершилась, и христиане поднялись с колен. Андрей подошёл к виновникам торжества и облил их водой из кувшина, при этом приговаривая:

- Крещу вас во имя Отца, и Сына, и Духа Святого!

После этого Первозванный, что-то довольно бурча себе под нос, вернулся к скамье и присел.

- Это всё? – удивилась Сапфира.

- Всё, - ответил апостол. – А ты что хотела?

Женщина промолчала.

- Теперь вы уже не ученики, а полноправные члены нашей Церкви, - подытожил Андрей. – На вас сошла благодать Божия!

Но лица новообращенных христиан как были, так и остались кислыми: обряд получился коротким и невыразительным, оттого у супругов и даже старика возникло чувство, будто им что-то недодали.

Сектанты вышли из подземелья и разбрелись по своим «делам». Анания подошел к апостолу.

- Рабби, кажется, мы нашли покупателя.

- Да? – встрепенулся Андрей. – А сколько он дает?

- Пока торгуемся, - ушел от ответа плотник. – Я вот что хотел попросить, рабби Первозванный. Нам с женой нужно готовить дом к продаже, везде наводить порядок. Отпусти нас на сегодня.

- У вас и так там чисто, - молвил грязнуля Андрей.

- Покупатель очень требователен.

- Ладно, идите. Сегодня у вас праздник!

- Анания, - спросила Сапфира, когда супруги уже покинули пределы обители и вышли на дорогу, - а почему ты не назвал апостолу цену, предложенную Иезекиилем?

- Это мы всегда успеем. Кстати, женушка, когда нас крестили, испытала ли ты просветление?

- Трудно сказать... Кажется, что-то было. А ты?

- Вроде бы, - пожал плечами плотник.

Внушение и самовнушение – большая сила, и нет ничего удивительного в том, что нашим героям почудилось, будто нелепый обряд помог им стать лучше. Но, конечно, ни они, ни кто-нибудь другой не сумел бы толково объяснить, чем же лучше и каков механизм воздействия крещения.

Супруги пришли домой и пообедали. Андрей был прав – Сапфира постоянно следила

за порядком в усадьбе, поэтому особо готовиться к приему покупателя не стоило. Молодые христиане вышли в сад, с которым расставались навсегда, и с тоскою смотрели вокруг. Красавица нежно гладила стволы смоковниц и яблонь, а плотник нервно кусал губы. За этими занятиями их и застал Тит Росций Капитон. Он стоял у калитки и приветливо улыбался. Его большие карие глаза светились умом; каштановые, чуть волнистые волосы были аккуратно уложены. Резко очерченный, истинно римский профиль придавал красивому лицу ученого мужественное выражение. Тит Росций не носил ни усов, ни бороды и всегда ходил чисто выбритым. Анания с Сапфирой обрадовались гостю и пригласили его в дом.

- Вчера вернулся из Антиохии, - рассказывал римлянин. – Неплохой город. Собрал там кое-какой материал.

- Хорошо, что ты приехал в Иерусалим, - заметил Анания. Он никогда не путешествовал, оттого столицу Иудеи считал весьма привлекательным местом.

- Друзья, - несколько смущенно продолжал Капитон, - а ведь я зашел попрощаться. На днях уплываю на родину, в Рим.

- Почему? – обомлела Сапфира.

- Как почему? Уже несколько лет я живу на Востоке и многое успел узнать о здешних народах. Так что пора возвращаться домой.

- Будешь есть? – машинально предложила красавица. Она ещё не успела прийти в себя от слов римлянина. Как горько разлучаться с другом!

- Спасибо, я отобедал. Ну, а вы как поживаете? Ты что строишь?

- Да я уж больше и не строю, - признался плотник. – Мы в Церковь вступили.

- Куда?! – вскричал присевший было Тит Росций и вскочил со скамьи.

- Не так давно на Землю спускался Сын Бога, - пояснила Сапфира, - и его последователи теперь собираются вместе.

- И вы его видели?

- Нет, - ответил Анания, - Христа распяли.

- Распяли бога?! Почему же он не смог одолеть людей?

- Нет, ты не так понял, - снова вступила в беседу Сапфира, - Он нарочно дал себя распять.

- Зачем?!

- Таким хитрым способом Иисус избавил человечество от первородного греха.

- А не умирая, ваш божий сын не мог помочь людям?

- Неисповедимы пути Господни.

- Сапфира верно говорит, - поддержал жену плотник. – Конечно, Иисус Христос был способен перебить всех своих врагов, но он милосерден и потому предпочел умереть сам.

- Так всё можно объяснить, - засмеялся римлянин. – Любой слабак подобным словоблудием оправдывает свое поражение. Но как вы можете верить в такую чепуху? Я абсолютно убежден, что это либо мошенничество, либо безумие. Ладно, не дуйтесь, мы же друзья.

- А ты, Тит Росций, какого вероисповедания будешь? – спросил Анания.

- Я последователь Эпикура.

- Никогда не слышал о таком Боге.

- Назвать его богом можно лишь в переносном смысле. Эпикур ученый, указавший людям путь к истине.

- И в чем же его истина? – допытывался плотник.

- В том, что боги, живущие где-то очень далеко от нас, не вмешиваются в дела человеческие. Это значит, что богов как бы и вовсе нет.

- Как же нет?! – изумился Анания. – Ты отрицаешь очевидное!

- Разве очи твои видели хоть какого-нибудь бога? – поинтересовался римлянин.

- Он у нас всего один, - с необъяснимой гордостью заметила Сапфира.

- Небогаты же вы на богов, - посочувствовал евреям Тит Росций. – Впрочем, у вас ныне пополнение: ведь сынок Иеговы тоже божок.

- Мы не произносим вслух Его имени, - всполошились супруги.

- А вы и не произносили, это сделал я. Так что, Анания, видел ты своего бога? Или, может, слышал?

- Нет, но Создатель виден через дела Его. Посмотри, как разумно Он устроил мир.

- Разумно? – удивился Тит Росций. – Ты называешь разумным то, что пищей и нам, и зверям служат другие живые существа, каждое из которых ценно и неповторимо? Очень странно... Ты только представь, Анания: сквозь землю пробился тонкий росток, он стремится вверх, к солнцу, он пришел в этот мир, чтобы украсить его... и просто для того, чтобы жить. Проходит время, и маленький росток становится пышным, радующим взор растением с гибкими, сочными, цвета изумруда стеблями, нежными, как легкий ветерок, листьями и роскошными, прекраснейшими цветами. Но появляется антилопа, она голодна и ищет пищу. Животное смотрит на растение, но видит не красу его... И вот уже крепкие зубы безжалостно пережевывают цветы и листья, и от былой прелести остается лишь безжизненно торчащий в земле корень. Насытившаяся антилопа возвращается в свое стадо, но по пути слишком поздно замечает притаившуюся в кустарнике львицу... Считанные мгновения длится погоня, и, наконец, острые, как копья наших воинов, клыки и когти хищницы впиваются в гибкое тело жертвы. Борьба продолжается недолго, и изголодавшаяся львица спешит приступить к трапезе, жадно, с бешенством разрывает шкуру антилопы, вгрызается в мясо, рвет сухожилия, ломает кости... А в антилопе еще теплится жизнь, и какой же ужас, какую дикую боль испытывает это несчастное создание! Чем оно прогневило твоего бога?

Анания угрюмо молчал и старался не смотреть Титу Росцию в глаза. Сапфира украдкой смахнула слезу.

- Ладно, слушайте дальше. Поев, хищница забирает тушу и спешит к своим львьятам и вечно спящему лентяю-самцу. Но ей не суждено вернуться в семью: ее ждут люди. Звенит тетива, и первая стрела впивается львице в бок. Царица зверей бросает добычу и, извиваясь, зубами вырывает проклятый наконечник, но целая туча смертоносных стрел летит в нее, и уже не спастись... Долго еще люди боятся подойти к умирающей львице, трусливо ширяют копытами в ее неподвижное тело и тревожно озираются, опасаясь льва. Но он не приходит на выручку, и охотники, разжившись продырявленной в нескольких местах шкурой, возвращаются домой. Увы, не исключено, что вскоре они сами станут пищей для какого-нибудь дикого племени. В этом, как ты говоришь, разумном мире все только тем и занимаются, что едят друг друга. Неужели всемогущий творец не мог дать своим созданиям иной пищи?

- Значит, так надо. Имеющий разум да уразумеет!

- Это какую же надо иметь голову, чтобы понять и принять такую дикость! Всякое растение, каждый зверь и человек неповторимы и, следовательно, ценны сами по себе, независимо от вкусовых качеств. Как нелепо видеть в них лишь куски пищи!

- Но мы не всегда истребляем растения, а гораздо чаще пользуемся их плодами, - уточнила Сапфира.

- Эх, друзья, разве для нас растут плоды? Ведь они дети растений!

- Пусть мир устроен несправедливо, - допустил Анания, - но мы всё равно должны возблагодарить Бога за то, что Он вообще его создал. Сотворил и нас, и тебя!

- А почему ты считаешь, что это сделали боги?

- Не могут же лгать рабби!

- Откуда такая уверенность?! Я знаком с несколькими вашими священнослужителями, так они показались мне людьми недостойными и малохольными.

- Какими бы они ни были, - продолжал спорить плотник, - но Истину им подсказывает Небо!

- Тогда почему римским и греческим жрецам Небо вещает совсем другое?

- А как у вас? – заинтересовалась Сапфира.

- Вначале существовал только вечный и безграничный Хаос, в котором заключался источник жизни. И мир, и боги возникли из Хаоса. Заметьте, что об этом говорят жрецы.

- Но могут ли они доказать сие утверждение? – не сдавался Анания.

- А твои рабби в состоянии не на словах, а на деле подтвердить истинность библейских сказок?

Плотник немного подумал и промолчал. Тит Росций улыбнулся:

- Есть у нас такая наука – логика, и одно из её основных правил гласит: «Доказывает утверждающий, а не отрицающий». Хочу его вам проиллюстрировать. Давайте мысленно перенесемся в глубь веков. Тогда все были дикарями, и вот однажды какой-то дурачок объявил соплеменникам: «А вы знаете – существует Бог». «Это кто такой? Он съедобен?» - заинтересовались голодные охотники. «Не кощунствуйте! Бог есть мужик, создавший наш лес, зверей и пещеры». Вот этому-то будущему шаману и должны были сказать люди: «Докажи!». А не послушно плясать под его дудку!

- И что вы, римляне, всё нас учите! – не выдержал молодой христианин.

- Я исследователь, и в разоблачении суеверий вижу свой долг.

Воцарилось неловкое молчание. Супруги не могли принять точку зрения эпикурейца – ведь если бы они согласились с ним, то их христианское подвижничество потеряло всякий смысл. Но и возразить римлянину евреи уже ничем не могли и холодно простились с Капитоном.

- Вы будьте поосторожнее с той сектой, - предупредил Тит Росций, - денег им не давайте.

Провожавший его Анания молча затворил калитку за бывшим другом.

Глава десятая

Легко себе представить душевное состояние супругов после ухода Капитона. Им стало неловко из-за ссоры с этим замечательным человеком, тем более что помириться с ним теперь не представлялось возможным: скоро их разделит огромное пространство. Но не только из-за этого наши главные герои растерянны и удрученно глядели друг на друга. Тит Росций посеял в их умах сомнение в истинности библейских догм, да ещё в тот самый момент, когда Анания и Сапфира решились навсегда оставить мирскую жизнь и возложить к немывтым ногам апостолов всё своё имущество! Потому сейчас молодые христиане всерьез задумались: не совершают ли они роковую ошибку?

Обычно в злобных библейских сказках в роли соблазителя выступает женщина, но в нашей истории искусителем стал мужчина. Влюбленные сидели на скамье; Сапфира с задумчивым видом подпирала кулаком подбородок и отрешенно смотрела в угол комнаты. Она слегка дрожала. Анания нежно пожал руку супруги и взволнованно заговорил:

- А вдруг Тит Росций отчасти прав?

- Нет, - покачала головой Сапфира, - наш Бог существует!

- Это понятно. Но уполномочен ли Кефас исполнять Его волю?

- А почему ты сомневаешься?

- Слишком он странно себя ведет. И часто несправедливо. Вот отдадим ему деньги, а он нас голодом заморит. А если Церковь разгонят?! Тогда мы совсем пропадём!

- Будем надеяться на милосердие Господа нашего, - обреченно вздохнула Сапфира.
 - Сколько я ни читал Священных книг, нигде не встречал закона, что раввинам следует отдать **все** своё добро, - продолжал Анания.

- Но ведь Кефас так говорит!

- А не Дьявол ли водит его языком?

- Что ты! – испугалась женщина. – Не вспоминай о нём, проклятом!

- Ладно, не буду. Но нам, Сапфира, нужно хорошенько подумать над тем, как мы будем жить дальше.

- Разве еще не все решено?

- Мы выбрали свой путь, это верно, но беда в том, что впредь за нас будут решать другие. А мне это не нравится.

- И что ты предлагаешь?

Плотник ответил не сразу. Он помолчал, думая над тем, как получше преподнести жене свой план. Сапфира терпеливо ждала.

- Мы не можем отдать Кефасу все деньги за дом.

Женщина изумленно взглянула на мужа:

- А меньшую сумму он не возьмёт.

- Ещё как возьмёт! Симон очень любит денарии. Отдадим ему половину, а скажем, что за столько и продали.

- Ты хочешь солгать рабби?! – ужаснулась красавица. – Ведь это грех!

Обычные слова в устах верующего, и, на его взгляд, вполне убедительные. Но Анания недаром завёл с супругой этот разговор. Он старательно подобрал все аргументы и на сей раз не собирался, как в случае с Титом Росцием, уступать в споре.

- Ну и что же здесь такого? Не согрешишь – не покаешься, а не покаешься – не спасёшься.

Эти слова поставили Сапфиру в тупик, и она неуверенно спросила:

- А если вообще не грешить?

- Тогда ты возгордишься: будешь мнить себя праведницей, - не замедлил с ответом Анания.

- Ох, трудно это понять, - заплакала молодая женщина.

- Да почему трудно?! – плотник вскочил со скамьи и нервно заходил по комнате. – Ты вспомни, чему нас учила Юдифь. Ведь говаривал же Иисус Христос: «... на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (**«Евангелие от Луки», XV, 7**), ибо «кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдёт её?» (**там же, ст. 4**).

- Я бы не оставила, - возразила Сапфира. – Разве можно бросать стадо без присмотра?! И как одна овца может быть ценнее девяноста девяти?

- Конечно, Спаситель здесь привёл не совсем удачный пример, - согласился Анания, - но это нисколько не умаляет Его Божественной мудрости. Посему надо грешить и каяться, каяться и грешить - иначе зазнаемся.

- Муж мой, ты умнее меня, - красавица продемонстрировала добродетель смирения и самоуничтожения, - так скажи: точно ли Создатель простит любое преступление, если мы Его об этом попросим?

- А как же! Когда вместе с Иисусом распяли двух разбойников... - плотник забежал в спальню, покопался в сундуке, вернулся со свитком и прочитал: «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого

не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидишь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (**«Евангелие от Луки», XXIII, 39-43**). Представь, Сапфира, сколько горя принес людям этот разбойник, если сам признал, что «достойное по делам принял». Но он прощён! А мы *не свои ли кровные хотим сохранить?* Посмотри, сколько нищих в общине, не внёсших вообще никакого вклада! Так они ещё и работать не могут и не хотят, всё у них из рук валится. А мы с тобой трудимся! Так разве я не прав, говоря, что только половину наших денег нужно отдать общине?

- Не знаю... - вздохнула женщина.

- Ну сколько тебе ещё можно доказывать?! – вспыллил Анания. – Ты, я погляжу, святее самого Кефаса! А между тем вступила в эту церковь не за благодатью Господней, а по мирской причине!

Сапфира изумленно взглянула на мужа. Они удивительно подходили друг другу и ссорились крайне редко. Но сейчас плотник обидел молодую женщину.

- Анания, - сквозь слезы молвила супруга, - как ты можешь так говорить? Каждый о чем-нибудь просит Бога, так разве есть грех в том, что мы приобщились к Святым тайнам ради наших будущих детей?!

- Которых ты хочешь оставить без имущества.

- Сердцем своим я чувствую, что ты прав. Но меня смущает то, что мы солжем едиנוверцам.

- Сапфира, человек оправдывается не делами закона, а только верой в Иисуса Христа (**см. «К галатам», II, 16**). К тому же есть ложь во спасение. И как раз сейчас – во спасение нашей семьи. Не всегда нужно говорить правду! Вспомни недавнюю историю с Озией, который дал Богу обет никогда не лгать.

- А что с ним произошло?

- Однажды Озия брёл по ночному Иерусалиму, и вдруг мимо него промчался человек, убегающий от разбойников. Праведник видел, где скрылся беглец; об этом его и спросили преступники. Но Озия не смог промолчать, он боялся грабителей, а из-за своего обета оказался не в состоянии обмануть душегубов. И он выдал беднягу... А затем, уходя, слышал, как нечестивцы убивают того человека! Вот цена сказанной злодеям правды!

- Кефас-то не злодей, - возразила Сапфира. Однако по интонации её голоса чувствовалось, что она уже признала доводы Анании и готова уступить. Повседневный опыт подсказывал ей, что в нашем алчном мире и шагу нельзя ступить без денег. И если рождается ребенок, то расходы семьи резко возрастают. А Сапфира мечтала о двух мальчиках и двух девочках: она представляла, как будет в общине обучать их грамоте и расскажет им об Иисусе Христе. Но чтобы эта мечта сбылась, требовались деньги, ибо наша героиня уже успела убедиться в том, что если надеяться только на единоверцев, то можно умереть с голоду. Поэтому она была вынуждена согласиться с мужем: грехи грехами, но есть-то надо. А на отложенные денарии можно тайком покупать съестное для детей.

- Хорошо, поступай, как знаешь, - ответила Сапфира, - но где ты спрячешь оставшиеся деньги?

Плотник просиял, довольный тем, что смог убедить супругу в своей правоте, и с готовностью отозвался:

- Их нужно отдать Иезекиилю в рост.

- А это не опасно?

- Я возьму с него расписку, - успокоил жену Анания и с наивным оптимизмом добавил: - Так и денарии сохраним, и проценты получим.

Перенесемся теперь в христианскую общину. В то самое время, когда Анания убеждал Сапфиру не вверять полностью свою судьбу в руки апостолов, а оставить путь к

отступлению, в опочивальню захворавшего Петра вошел Андрей. Симон лежал на кровати и тяжело дышал; его и прежде лишённое здорового румянца лицо сейчас ещё больше побледнело, а красноватые глазки были грустны.

- Ты почему с нами не пьёшь? – с укоризной спросил Первозванный и присел на край кровати.

- Хреново мне, - прошептал Кефас.

- А я сегодня окрестил Ровоама и блудников. Кстати, они нашли покупателя, но пока с ним не сторговались.

- Их дом приобретает Иезекииль за 240 денариев, - сказал Пётр и повернулся к стене, тем самым давая понять, что аудиенция окончена. Однако Андрей не собирался уходить.

- Откуда ты знаешь? Откровение было?

- Да.

Конечно, Симон Камень лгал. Ему донёс слуга Иезекииля Цадок, который сочувствовал христианам, но, боясь потерять место, скрывал это от хозяина. Он слонялся по двору, подслушал разговор ростовщика с супругами, прибежал в обитель и сообщил Петру важную новость.

- Что-то дешёво продают, - покачал головой Андрей.

- Иезекииль ведь жадная скотина. Ну ладно, братец, ступай. Я помолюсь и буду спать.

- Да, уже стемнело, пора на боковую, - Первозванный зевнул и потянулся. - Но я прежде выйду во двор: помочусь и понюхаю фиалки.

* * *

Спустя пять дней Иезекииль решил, что уже достаточно выждал, и прислал мальчишку-слугу сообщить супругам о том, что наконец-то собрал необходимую для покупки дома сумму. Завтра Анании предстояло получить деньги...

К вечеру изменилась погода. С почерневшего неба на сухую, растрескавшуюся землю упали первые капли дождя, и вскоре на пыльный и раскаленный дневной жарой Иерусалим полились целые потоки воды. Грозно сверкнула молния, раздались гулкие раскаты грома... Анания и Сапфира, словно предчувствуя скорую беду, ворочались и никак не могли заснуть.

- Милая! – плотник придвинулся к жене и прижался к ее груди. – Может, мы не станем переселяться в обитель?

- Поздно! – прошептала красавица. – Нас окрестил Андрей, и теперь наши души принадлежат Господу. Давай же приобретем богатство небесное, которое у нас никто не сможет отнять.

Лишь перед рассветом супруги задремали, но их сон длился недолго: наступило утро и, наскоро собравшись, Сапфира отправилась в общину (ей предстояло добывать с Юдифью «божьи» деньги), а Анания пошел к Иезекиилю.

Ростовщик сам отворил калитку и впустил плотника. Во дворе стоял стол, за которым сидел на лавке мужчина средних лет с длинным носом и колючими, неприятно бегающими глазами.

- Это Елеазар, - представил его Иезекииль, - он составит купчую и будет свидетелем сделки.

Елеазар начертил на папирусе стилистически убогие юридические формулировки и протянул документ Анании. Молодой человек тяжело вздохнул и слегка дрожащей рукой расписался. Иезекииль удовлетворенно улыбнулся и тоже поставил подпись.

- Я сейчас расплачусь, - сказал он и машинально окликнул Цадока.

- Но ты же сам послал его на базар, - напомнил Елеазар.

- Ах, да, совсем забыл! – хлопнул себя по лбу делец. – Ладно, я сам принесу. Ведь так

и надежнее.

Вскоре финансовый воротила вернулся с мешочком, нежно погладил его и с неохотой протянул продавцу усадьбы:

- Здесь ровно 240 серебряных денариев.

Анания под пристальным наблюдением Елеазара стал пересчитывать монеты. Дважды плотник сбивался и процедуру приходилось начинать заново, что изрядно нервировало ростовщика. Наконец деньги были сосчитаны.

- Всё правильно, господин, - кивнул плотник. – Но половину суммы я хочу оставить тебе в рост. Хорошо?

Иезекииль удивленно взглянул на Ананию. Некоторое время он не мог понять, почему тот сделал ему такое предложение, но затем догадался, что плотник решил не хранить все яйца в одной корзине и из-за этого христиане не досчитаются денег. Финансовый воротила теперь уже с уважением посмотрел на своего делового партнера и подумал: «А ты умнее, чем я считал».

- Всегда хорошо, когда тебе приносят денарии, - признался Иезекииль, - но больших процентов я не смогу начислить.

- Сколько же?

- Два годовых.

Такое условие было грабительским, и Анания стал торговаться. Но ростовщик отлично понимал, что его клиенту больше негде спрятать деньги. На все возражения плотника Иезекииль отрицательно качал головой, щелкал языком, улыбался и скороговоркой повторял: «Нет-нет». И нашему герою пришлось согласиться. Он сунул за пазуху расписку на 120 денариев и отправился в общину.

Глава одиннадцатая

Петру уже полегчало. Вино и время, а более всего надежда на отмщение римлянам и Стефану исцелили его от депрессии, и сейчас князь апостолов неплохо себя чувствовал и важно прохаживался по двору обители. Анания подошел к нему.

- Здравствуй, рабби!

Кефас небрежно кивнул. Плотник протянул ему мешочек:

- Я получил деньги за дом и землю. Здесь...

- Анания, - перебил его Петр, - негоже мне, Святому Апостолу, ведать мамоной и осквернять руки свои презренным серебром. Отнеси денарии Есрому, пусть примет.

Муж Сапфиры поднялся на второй этаж и вошел в келью молодого дебила. Фанатик самозабвенно молился. Он стоял на коленях посередине комнатки, через примерно равные промежутки времени бился лбом об пол и что-то бурчал, постоянно переходя с арамейского на «иные» языки и обратно.

- Есром! Есром!.. – позвал Анания, но погруженный в транс христианин не отреагировал на обращение единоверца, только сильнее принялся травмировать лоб. Плотник улыбнулся, поставил возле богомольца мешочек и пошел чинить лестницу в обители. Откладывать ее ремонт больше было нельзя: в многочисленные «ловушки дьявола» стали попадаться уже самые высокопоставленные христиане. Вчера под святым апостолом Иоанном проломилась ступенька, и он застрял в образовавшейся дыре. Мужчинку вытащили с большим трудом. Богослов отделался не только испугом – у него были сильно ободраны ноги, пострадали и другие части нижней половины тела.

Тем временем Есром завершил молитву, растерянно, поскольку вернулся в реальный мир, осмотрелся и тут заметил подле себя небольшой мешочек. Христианин схватил его, понюхал, заглянул внутрь, и вдруг стены кельи огласил радостный крик.

А в подземелье Петр проводил совещание с Андреем, Фомой, Иовом, Иеремией и Иаковом – братом Иисуса Христа. Сей мужчина отличался низким ростом и потому получил прозвище «μίνογ» - «мелкий», под которым и вошел в историю. Лицо Иакова было таким же некрасивым, как и у Иешуа: знатной мастерицей оказалась пряжа Мария в производстве юродивых! Отцы у братьев были разные: у Иисуса, как о том говорится в Талмуде, дезертир грек Пандира; от кого же появился Иаков, не могла точно сказать даже сама «богородица».

Но вернемся к нашим баранам, апостолам и их подручным, которые сейчас с жаром обсуждали вопрос о противодействии Стефану. Сектанты сидели на удобных, недавно изготовленных Ананией табуреточках. Перед князем апостолов стоял небольшой столик. Зловеще горели два факела, прикрепленные к сырой и неровной стене. И вот на это собрание нечестивых мужей ворвался Есром. Почти все заседавшие посмотрели на него с безразличием, словно на пустое место, только Петр побагровел и, оборвав свою речь на полуслове, гневно крикнул:

- Выйди вон!

Дебил сначала испуганно попятился, но тут же осмелел и, вернувшись на исходную позицию, заявил:

- Я принес вам чудо!

- Чудо? – обомлел князь апостолов, и его нижняя губа еще больше отвисла.

- Да. Я молился, и Господь внял воплю моему.

- А что ты просил у Бога? – поинтересовался Андрей.

- Денег. И вот они! – воскликнул Есром и торжествующе поднял руку с античным кошельком. Христиане замерли и даже затаили дыхание. Чудо действительно казалось несравненным: прежде ни Иегова, ни Иисус Христос никогда и никому не подавали. Теперь же, думали верующие, настало время, когда монеты падают с неба, и потому сектанты с вожделением голодных зверей устремили взоры на темный, сочащийся влагой потолок подземелья.

Дилетанты в сфере психических заболеваний обычно считают, что сумасшедшие равнодушны к деньгам и могут легко ими поделиться с обществом. Однако это глубочайшее заблуждение, что подтверждает вся история христианства. Безумцы намного жаднее здоровых людей, а изредка встречающийся среди иерархов аскетизм объясняется лишь их патологической скупостью.

Итак, Есром смог удивить единоверцев и теперь наслаждался тем, что оказался в центре внимания. Но Петр неожиданно прервал его самолюбование:

- Ты что, над промыслом Божиим издеваться вздумал?! Какое чудо? Это деньги за дом Анании. А ну-ка, подойди ко мне.

Христианин, оберегая живот, боком приблизился к апостолу и тщательно прикрыл голову руками; правая до сих пор крепко сжимала мешочек. Симон отобрал у него деньги, несколько раз ударил и выгнал вон.

- Давайте помолимся о том, чтобы Господь даровал Есрому хоть немного ума, - предложил Андрей.

- Бесполезно, - отмахнулся Петр. – Лучше полюбуемся монеточками.

Он бережно высыпал серебро на стол и сразу же понял, что денариев мало. «Что за чёрт?», - промычал князь апостолов и стал лихорадочно считать деньги. И чем ближе он приближался к окончанию этой процедуры, тем сильнее бледнел.

- Ну что там? – не выдержал Первозванный.

- Должно быть 240, а есть только 120, - недоуменно пробормотал Симон. – Неужели

Есром осмелился переполовинить?

- А вдруг Сатана... - начал было Иаков, но Петр, бывший в денежных делах реалистом, перебил брата Иешуа:

- Заткнись. Лучше позови Ананию.

Иаков нашел плотника во дворе, где тот старательно строгал доски для починки лестницы. Если бы христиане знали толк в зрелищах, они бы залюбовались: работа спорилась в умелых руках труженика, и мысленно он уже видел ее результат. Но, раз вызвал руководитель, пришлось прерваться и спуститься в мрачное подземелье.

Петр раздраженно смотрел на Ананию:

- Скажи, за сколько ты продал дом и землю?

Плотник, почувствовав неладное, слегка изменился в лице, но взял себя в руки и спокойно ответил:

- За 120 денариев, рабби. Вот же они лежат перед тобою.

Петр с большим трудом сдержал обуревавшее его бешенство и, стараясь не повышать голос, возразил:

- А мне Дух Святой шепнул, что усадьбу твою... нет, нашу, купил этот чертов Иезекииль за 240 сребренников.

В груди Анании что-то оборвалось, и он потупил взор. Суеверный плотник наивно поверил во вмешательство высших сил, а потому решил, что дальше отпираться бессмысленно.

- Да, я решил отложить часть денег на черный день.

- Для тебя этот день уже настал, - зловеще промолвил Симон Камень. – Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажей не в твоей ли власти находилось? Так для чего ты положил это в сердце твоем? Ты солгал не человекам, а Богу (**«Деяния святых апостолов», V, 3,4**).

- Да, я солгал, - признался Анания, - но уже успел покаяться. И потому нет на мне греха.

Эта фраза нашего героя возмутила сектантов до глубины души. Андрей ахнул и всплеснул руками, Иов с Иеремией удивленно переглянулись, Иаков буркнул: «Каков наглец!» Их эмоции понять нетрудно: ведь если человек чист перед Господом, то ему незачем обогащать служителей культа. В полной противоречий Библии можно найти всё, что угодно, и «отцы» церкви этим бесстыдно пользуются. Если согрешит прихожанин, у которого можно вытянуть деньги, то «вера без дел мертва», а коли совершит преступление иерарх, тогда «вера в Христа всё оправдывает».

- Ослиный хвост! – чуть не задохнулся от ярости Петр. – Быстро же ты усвоил нашу премудрость. Но здесь мы, святые апостолы, решаем, на ком нет греха, а на ком есть!

- Хочу напомнить, - вступил в разговор Фома, - что этот недостойный хотел своей мерзкой похотью осквернить нашу обитель!

- Точно, - закивали христиане.

- Но почему ты так говоришь, рабби Неверующий? – обиделся Анания. – Нам сам Андрей разрешил жить в браке.

- Ничего я не разрешал, - замахал руками Первозванный. – То была проверка.

- Какой знатный грех! - сокрушался неугомонный Фома. – Ведь учил же Иешуа: «Сказано древними: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (**«Евангелие от Матфея», V, 27, 28**). А ты на Сапфиру не только смотришь!

- Пойдите, - покраснел плотник, - но как же тогда продолжится род людской?

Этого Петр уже не мог вынести. Он так ударил кулаком по столу, что подпрыгнули и

завенели монеты, и вскочил с табуретки:

- Ты что, дурак, забыл, что скоро свершится Страшный суд и мы вознесемся на небеса?!

- Анания останется, - уверенно молвил Андрей, - он враг Духа Святого!

- И вовсе я ему не враг, - оправдывался обвиняемый, - но вам всех денег отдать не смогу.

- Так, я вижу, что разговора не получилось, - взорвался Кефас и подал знак подручным. Андрей и Фома, молниеносно сорвавшись с табуретов, схватили Ананию и выкрутили ему руки. Петр обнажил нож и вплотную подошел к плотнику:

- Где деньги, которые ты утаил от Господа?

Только теперь Анания понял, что ему грозит. Потрясенный и испуганный, он долго не мог вымолвить ни слова. Как во сне видел сверкающее лезвие ножа, багровое от гнева лицо князя апостолов, его безумные глаза, испускавший смрадное дыхание и извергавший струи слюны кривой рот. Вокруг злобно шипели христиане, призывая на голову плотника все беды и несчастья. А руки Анании выламывали всё сильнее, так, что он уже стонал от боли.

- Ты что, идиот, оглох? Отвечай! – продолжал допрос Симон Камень и ножом уколел обвиняемого в ногу.

- Рабби, - пробормотал плотник, - ты меня убьешь?

- Не я караю тебя, но сам Дух Святой! Он и решит, что делать. Так где деньги?

- Но вы хоть Сапфиру пощадите! – в отчаянии крикнул «грешник».

- С ней ничего плохого не случится, - заверил Петр.

Анания, насколько это было возможно в его положении, осмотрелся. Он никак не мог поверить в то, что его «братья» настолько жестоки, и надеялся встретить в их взглядах хоть немного сострадания, но увидел лишь любопытство. Христиане хотели узнать, где спрятаны денарии.

- Н-ну, говори же! – запинаясь от нетерпения, прохрипел над ухом несчастного Андрей и еще сильнее выкрутил ему руку.

- Я оставил их у Иезекииля...

- Зачем? – удивился Петр.

- В рост оставил. Под два процента годовых.

- А-а-а, - понял князь апостолов.

- Расписка у меня за пазухой, рабби.

Симон вытянул кусочек папируса и принялся его внимательно изучать. Временами он отрывал взгляд от документа и задумчиво смотрел в сторону, пытаясь вникнуть в странноватый стиль юридических формулировок и заодно обдумывая, как выманить у Иезекииля 120 денариев. Но его волновала и вторая проблема: после такого разбоя Камень имел все основания опасаться того, что супруги донесут на него властям.

- Скажи мне, Анания, - молвил он, - знает ли Сапфира о твоей лжи?

- Н-нет.

- А мне сейчас Дух Святой шепчет, что знает.

- Но ты же обещал, рабби, что с моей женой ничего не случится!

- На все воля Божья, - смиренно констатировал Симон.

После этих зловещих слов Анания совсем упал духом. Не только ему, но и его доброй и нежной Сапфире угрожала смерть. Но ведь еще утром они собирались жить долго и счастливо! Как такое могло произойти?! Или все это кошмар, бесовское наваждение? Что же делать?

Плотник собрал все свои силы и внезапно, резким и отчаянным рывком попытался освободиться. Державшие его апостолы разлетелись в стороны и упали на неровный каменный пол подземелья, но Петр успел глубоко, по самую рукоять, вонзить нож в грудь

Анании...

Он умирал долго и мучительно. «Как жаль, что не удалось пожить. Всё пролетело как один день, и что хорошего я видел? Только Сапфиру... Что с нею будет?! Скоро она вернется в обитель... Как же ее спасти? Как?!»

Князь апостолов нагнулся над умирающим, вытащил из его груди нож и вытер окровавленное лезвие об одежду плотника. В этот миг Анания, преодолевая боль, немного привстал, посмотрел Петру в глаза и попытался что-то сказать. Но вместо слов в подземелье раздался раздирающий душу стон, столь странный и пугающий, словно он доносился из иного мира. Внезапно из уст Анании хлынула кровь, его голова откинулась, руки задрожали, и вдруг плотник замер, устремив вверх остекленевший взор.

- Иаков, ты из нас самый небрежливый, так опусти его веки да обыщи хорошенько, не приведи Господь останется что-нибудь ценное, - распорядился Симон.

- Да-а, в грехе помер, как собака, - покачал головой Андрей Первозванный.

- Отлетела душа в ад, - поддакнул и заодно подытожил Фома.

Недоросток Иаков тщательно обыскал труп, но, к большому сожалению христиан, «добра» не обнаружил. Петр удрученно хмыкнул и велел Иову с Иеремией спрятать тело пока во дворе – ночью его предстояло закопать на близлежащем пустыре.

- Да как придет Сапфира, приведите ее сюда, - добавил Камень, - ты же, Иаков, приberi тут, посыпь песочком.

После того, как «порядок» был наведен, Кефас отослал подчиненных. А трое апостолов продолжили совещание.

- Одни неприятности, - пожаловался Фома.

- Ой, не говори, - опечалился Симон. – И Анания, подлец, подвел.

- Он свое получил, - промолвил Андрей, осторожно ощупывая травмированное при падении плечо. – Но остается Стефан, а с ним так легко не разделаешься. И тут я предлагаю проявить хитрость и смекалку. – Немного помолчав, Первозванный многозначительно прибавил: - Как тогда...

- Это ты о чем? – насторожился Фома.

- Ну, Иешуа мы сдали властям, и Стефана пора.

Нужно было видеть реакцию Петра и Фомы на слова Андрея! Они побледнели, задрожали и стали тревожно озираться, словно ожидая, что кто-то очень страшный придет к ним из темноты. Заметив, в какой мистический ужас он неосторожным словом поверг своих подельников, Первозванный тоже испугался и теперь напряженно всматривался в неосвещенные факелами участки подземелья. Да, дорого обошлось апостолам их предательство! Иисус Христос частенько являлся к ним в галлюцинациях, злобно ругаясь, угрожая и всё норовя отхлестать своих бывших учеников по физиономиям. Безумный, совершенно ничтожный при жизни человек, который не смог работать даже плотником, в больших и пустых головах религиозных аферистов превратился в бога. И теперь они пугали Иешуа бен Пандирой себя, друг друга и всех остальных.

Но на этот раз апостолам повезло: привидение не явилось.

- Ты что, совсем сдурел?! Зачем напоминаешь?! – яростно набросился Кефас на брата.

- Да я о Стефане говорил, - отталкивая «князя», оправдывался Андрей.

- Ну успокойтесь же вы! – закричал Фома и с большим трудом растащил братьев-апостолов. Раскрасневшиеся и запыхавшиеся, они свалились на табуретки и мрачно уставились на пол. Увидав их раскаяние, рабби Неверующий возрадовался и, немного выждав, пока буйные святые окончательно успокоятся, продолжил: - Со Стефаном, понятно, так и поступим. Но до этого еще далеко. А вот Сапфира скоро вернется, и с нею надо что-то делать.

- Она опасная свидетельница, - Первозванный поднял глаза и вопрошающе посмотрел

на собеседников. От его взгляда будто повеяло могильным холодом.

- Это так, - кивнул Петр, - но меня больше всего возмущает ее моральный облик. Несомненно, что она знает о лжи мужа, может, даже сама его и подговорила. Просто не пойму, как Господь терпит таких людей, сих мерзких и чудовищных грешников.

- Это только до поры, до времени, - успокоил брата Андрей. - Анания уже в лапах Дьявола.

- Действительно, - согласился с Кефасом Фома, - вот так не щадя своих сил молишься, проповедуешь, подготавливаешь Страшный суд и Конец света, а другие, коих мы окрестили водой и Духом Святым, деньги утаивают! Это ж только подумать!

Апостолы сложили монеты обратно в мешочек и еще долго возмущались неблагодарностью своих подручных да размышляли над тем, как навести в обители порядок. Требовались самые решительные и суровые меры, иначе малохольные и потому слабо управляемые прихожане могли совсем выйти из подчинения.

После убийства Анании прошло уже более трех часов, и вот со стороны лестницы послышались звуки шагов. Это спускались в подземелье Сапфира, Иов и Иеремия.

Тот день для сборщиц «божьих денег» выдался тяжелым. Иудеям успели изрядно надоест адепты новой секты, которых неумная жадность учеников Христа превратила в настырных попрошайек. И особенно злило ортодоксов то, что во время этих приставаний еретики важно их поучали. Впрочем, Сапфира, всё еще стеснявшаяся нищенского промысла, не отличалась назойливостью, зато Юдифь любила поделиться с окружающими своими «знаниями». Сегодня женщин просто прогнали с их «рабочего» места у входа на базар, и они, пугая огромным ящиком экономных иерусалимцев, безрезультатно прослонялись по улочкам городка.

Сапфира заметно нервничала. «Как там муж? – думала она. – Зря я не пошла с ним. Всё же такая огромная сумма! А вдруг по пути на него нападут разбойники? И сможет ли Анания убедить апостолов в своей честности?!» Но Сапфира встревожилась еще сильнее, когда по возвращении в обитель ее встретили Иов с Иеремией и, ничего не объясняя, грубо поволокли в подземелье.

- Что случилось, рабби? – спросила у Петра дрожащая и давно уже бледная женщина.

Андрей с Фомой и два их помощника с любопытством уставились на молодую христианку. Они смотрели на происходящее словно на поединок гладиаторов и предвкушали интересное развитие событий. Века спустя муки и гибель красавиц так же забавляли инквизиторов – верных хранителей и продолжателей христианских традиций. Но Кефаса сейчас больше занимала борьба со Стефаном. В деле супругов он уже разобрался: вторая половина денег была обнаружена, и князь апостолов напряженно размышлял, как ее изъять у Иезекииля. Однако он не мог отлынивать от своих прямых обязанностей и приступил к допросу.

- Скажи мне, - довольно спокойно произнес Петр, - за 120 ли денариев вы продали имение?

«Ой, Господи, неужели он что-то заподозрил? – с замиранием сердца подумала Сапфира. – А мне теперь придется лгать... Но разве это не наши деньги?! Почему Кефас смотрит так, будто они получены за дом, построенный апостолами, а не родителями Анании?»

- Да, рабби, за столько, - ответила женщина.

Петр встрепенулся; от его бывшего равнодушия не осталось и следа. Он резко вскочил с табуретки и, сжимая от ярости кулаки, злобно зашипел. Его глаза налились кровью, и, с ненавистью глядя на обвиняемую, «князь» закричал:

- Да что это вы вздумали искутить Духа Господня? Посмотри: вот стоят Иов с Иеремией, погребавшие мужа твоего. И тебя закопают (ср. «Деяния святых апостолов», V,

9)!

- Что?! – замерла Сапфира, не веря своим ушам. – Как погребавшие? Где мой Анания?!

- Дух Святой убил твоего мужа за ложь! – пояснил Петр.

Глаза Сапфиры широко раскрылись, и в них отразился беспредельный, леденящий кровь ужас. Она жалобно застонала, ее ноги подкосились и женщина рухнула на пол подземелья.

- Какие нежности! – буркнул Кефас и перекинул молодую вдову, изобразив, будто и ему стало дурно.

- Похоже, у нее обморок, - заключил осмотревший женщину Андрей. Он схватил одну из табуреток, поставил ее возле стены и вместе с Фомой усадил туда бесчувственное тело Сапфиры.

- Надо ее облить водой, - решил Петр.

Иов послушно направился к стоявшему на столе кувшину, но рабби Первозванный остановил его:

- Постой, ведь в нем святая вода!

- Какая разница? – улыбнулся Фома. – Неси.

Иов взглянул на Кефаса, тот кивнул. После «холодного душа» Сапфира очнулась, медленно открыла глаза и несколько секунд удивленно смотрела на единоверцев. Вдруг ее лицо исказилось от боли: она вспомнила страшные слова святого апостола Петра.

- Мой Анания мертв?! – истерично рыдая, то ли спросила, то ли воскликнула женщина.

- Он солгал Духу Святому и поплатился за это, - торжественно молвил Симон. – Анания признался, что продал имение Иезекиилю за 240 денариев, но половину сей суммы утаил от нас. Однако грешен не он один – ты, недостойная, повторила чудовищную ложь, посему и тебя покарает Дух Господень.

Сапфира с трудом понимала, что говорит Петр. Мир словно перевернулся и стал адом. Как жить без любимого? Да и долго ли ей осталось жить?!

- Ты, блудливое создание, - обратился к красавице Симон, - принимая крещение, искала не благодати Божьей, а мирских удовольствий. Ишь ты, детей захотела!

Последняя фраза Кефаса вернула женщину к реальности. Она взглянула на единоверцев; ее глаза были полны слез, тело дрожало, и не столько от страха, сколько от ужаса, вызванного утратой любимого. Сапфира глухим, срывающимся голосом возразила христианам:

- А разве вы даром богобоязненны? Или не просите у Господа жизни счастливой и вечной?

- Ты что, меня учить вздумала? – возмутился Петр и выхватил нож. – Пора ее кончать.

- Если мне суждено умереть, - горестно молвила женщина, - то, прошу вас, похороните меня рядом с Ананией и... и посадите на наших могилках фиалки...

Князь апостолов приблизился к Сапфире и молниеносным движением разрезал ей горло. Женщина инстинктивно зажала рану, но кровь продолжала хлестать и сквозь кисти ее рук. Огромные черные глаза Сапфиры помутнели и закрылись, и она медленно сползла на пол...

На вечернем богослужении Петр ничего не сказал о двойном убийстве, но эту новость уже знали и так. «И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это» (**«Деяния святых апостолов», V, 11**).

После мессы братья-апостолы вышли во двор обители. Всё в природе осталось по-прежнему: так же сверкали звезды и светила луна; как и вчера, легкий ветерок разносил во все уголки двора чудесный аромат фиалок. Только не было больше в этом мире Анании и Сапфиры...

- Надо бы винца выпить, - предложил Петр.

- Ну, это обязательно! – не допускающим возражений тоном отозвался Андрей. – День сегодня выдался не из легких. Эх, жаль, что Сапфиру пришлось грохнуть. Красивая была баба, нежная. Ведь так, Симон?

- А я не Симон, - ответил Симон. – Я Кефас.

* * *

Прошло почти две тысячи лет, но и до сей поры христиане всех мастей поминают лихом Ананию и Сапфиру, якобы обидевших святого апостола Петра. История несчастных супругов – одна из самых популярных тем проповедей на богослужениях всех церквей и сект христианского толка, ибо тягчайший, по мнению служителей культа, грех – это утаить свои деньги и, ссылаясь на бедность, мало подать батюшке. Интерес священников здесь очевиден и понятен. Однако логично было бы предположить, что рядовые прихожане, которые сплошь и рядом поступают так же, как и наши главные герои, посочувствуют невинно убиенным. Но не тут-то было! Как только речь заходит об Анании и Сапфире, все христиане словно срываются с цепи.

Если бы реальный, исторический Петр хоть немного походил на созданный церковной пропагандой образ, он бы сказал «провинившимся»: «Утаив половину денег, вы совершили абсолютно недопустимый поступок. Так забирайте свои денарии и уходите от нас!». Однако будущий первый римский папа избрал иной путь. Как уголовник, он, несомненно, понимал, что наказание должно быть соразмерным преступлению. Но Симон позарился на чужие деньги...

Впрочем, верующие люди могут нам возразить: «В Библии написано, что Ананию и Сапфиру убил вовсе не Петр, а Святой дух». Однако эта версия не только не выдерживает никакой критики, но и вызывает смех. Все мы знаем, что такое дух, исходящий от объевшихся бобами (небрезгливые медики даже определили химический состав сего дуновения: водород, углекислый газ и метан). А вот так называемый «святой дух» не был зафиксирован ни одним прибором, его никогда не видели и не слышали психически здоровые люди. Поэтому такую версию не примет к рассмотрению ни один современный суд.

Бедные оболганные супруги! Вы стремились к лучшей жизни, к истине, которая есть дети и большая, дружная семья, но были во цвете лет безжалостно зарезаны идиотом. И ваши имена до сих пор произносятся с ненавистью и злобой...

Пройдут века, мировая медицина выйдет из зачаточного состояния и научится лечить психические заболевания. Тогда наконец-то исчезнет религия вместе со своей служанкой - идеалистической философией. И, скорее всего, наши далекие потомки из всего свода христианских легенд будут помнить только сказание об Анании и Сапфире – историю о большой любви и борьбе за свое счастье.